

Андрей Ливадный

Остров Надежды

*Часть сборника
Форт Стеллар (сборник)*

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Остров Надежды

«Автор»

1997

Ливадный А. Л.

Остров Надежды / А. Л. Ливадный — «Автор»,
1997 — (Экспансия: История Галактики)

Чудовищное наследие Галактической войны – кладбища кораблей, дрейфующие в космосе в местах сражений звездных армад. Миллионы тонн обломков, среди которых теплится не только кибернетическая жизнь... Могут ли дети, выросшие в тесных отсеках, среди владычества боевых машин, обрести свободу и вернуться к людям?

© Ливадный А. Л., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Пролог	5
Часть 1.	7
ГЛАВА 1.	8
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3.	21
Часть 2.	28
ГЛАВА 4	28
ГЛАВА 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Ливадный

ОСТРОВ НАДЕЖДЫ

Пролог

Недобрые звуки рушились с небес...

Никогда больше он не слышал их, но в подсознании двухлетнего мальчика навсегда запечатлелся оглушающий рев двигателей, грохот осыпающихся камней и тихий, смертный шелест гонимого ветром пепла...

Черные тени настигали его, неумолимые, как перст судьбы. Он бежал на слабеньких ногах и рыдал, пытаясь за слезами скрыться от ужаса, что падал с небес...

Что может быть страшнее этой беспомощности?

Забившись между двух огромных камней, вросших в землю недалеко от поселка, он продолжал плакать, а земля вздрагивала, принимая вес совершивших посадку космических кораблей. Потом среди наступившей оглушающей тишины вдруг прогремело злое стаккато пулеметной очереди, и все стихло – теперь уже навсегда.

Он перестал плакать, потому что устал. Сил на крик больше не осталось, и лишь его тело часто вздрагивало. Мир изменился. Никто не пришел взять его на руки, согреть своим теплом, накормить и обласкать. Он был еще слишком мал, его сознание только народилось и потому не могло постичь всего ужаса происходящего...

Он сжался в комок. От камней шел холод. Этот холод постепенно захватил крошечное тельце, и оно перестало вздрагивать. Синяя травинка, качающаяся на легком ветру, тяжелые шаги, бряцание металла – вот все, что он запомнил.

И еще была большая обида на теплый мир, ставший вдруг чужим и холодным.

Он не слышал, как спустя некоторое время, с ревом взмыли в небо чужие корабли.

Он не слышал тишины, укутавшей дымящиеся руины тяжким саваном.

Он медленно и неосознанно покидал этот мир, замерзая меж двух каменных глыб, и синяя травинка, обожженная и сломанная, баюкала его своим мерным покачиванием.

Шел 2607 Галактического календаря.

Человечество рвалось к звездам...

* * *

...Тяжелые сапоги с хрустом давили рифлеными подошвами крошево битого стекла. Ствол импульсной винтовки заглядывал в сумрак разгромленных коридоров, жадно обегал единственным черным глазом разоренные офисы.

– Сволочи... – сорвалось с чьих-то губ тяжелое, как плевок, слово.

Номад Берг устало присел на пластиковый подоконник.

Колония была уничтожена. Рудники взорваны.

В провалах выбитых окон завывал ветер. Горестное бессилие вдруг накатило на Номада, хотя он и не знал никого из погибших тут людей...

Он закурил, хмуро разглядывая остовы обгорелых механизмов, видневшихся из окна административного здания.

Номад уже пять лет наблюдал, как разгорается пламя Галактической войны. Старый скиталец постоянно находился в движении, перемещаясь из одной звездной системы в другую, и видел, как вторая волна Экспансии, выплеснувшаяся за границы Солнечной системы, разбилась о кольцо колоний.

Четыреста лет колонисты Первого рывка, брошенные Землей на произвол судьбы, боролись за выживание на чуждых планетах. И вот легендарная альма-матер дала о себе знать. Новые земляне были выходцами с самого дна зловонных клоак перенаселенных мегаполисов. Старая родина действовала в лучших своих традициях. Миллионы не самых любимых ею сынов были вышвырнуты в космос. Земле, исчерпавшей все ресурсы, под благовидным предлогом было необходимо избавиться от них.

Вторая волна космической миграции человечества шла проторенными тропами, ведь силовые линии аномалии космоса не изменились, и в конце пути новые переселенцы неизбежно натывались на одну из старых колоний.

Так возник конфликт. Цивилизации колоний, на которые обрушилась нежданная беда, не так давно вновь вышли в космос, и теперь лишь некоторые из них пытались защитить свои миры, используя скудный парк космической техники.

...Номад выкинул окуроч и криво усмехнулся, вспомнив, как власти некоторых планет еще не так давно называли их с Эрни преступниками. Видите ли, торгуют чем попало, да еще и уклоняются от налогов!.. Но он просто летает от планеты к планете на собственном, собранном из хлама корабле... Он не убил ни одного человека...

Номад вновь огляделся. Может быть, правы те, кто не желает компромисса?

В чем вина этих людей? Только в том, что они не захотели принять новых колонистов с Земли. Но в Галактике тысячи незаселенных планет. Зачем Земле этот маленький планетоид и доставшийся потом и кровью рудник?

Ответ был очевиден для Номада. Земля опять перенаселена, Солнечная система напоминает пустой, изъеденный червями орех. Они не будут заселять дикие планеты. Они хотят неплохо жить прямо сейчас...

Он сплюнул, встав с подоконника. Нужно убираться отсюда, пока не прилетели корабли второй волны, которые возьмут в оборот осиротевшие рудники.

Выйдя на улицу, он прищурился от яркого света, падающего за горизонт диска звезды. Его напарник, Эрни Хьюго, в растерянности стоял около двух гранитных валунов.

– Ном, иди сюда! – позвал он.

Берг подошел, машинально озираясь вокруг. Его сильные руки сжимали теплый приклад «АРГ-8». Он не верил этой тишине, ленивым струйкам дыма и мертвым телам.

Безумие охватило Вселенную.

Эрни тяжело и прерывисто дышал.

– Смотри! – выдавил он.

Номад шагнул к валунам, меж которых, скорчившись, лежало тельце ребенка.

Несколько секунд он в шоке смотрел на него, потом наклонился, отложив штурмовую винтовку, и дрожащими пальцами коснулся щеки ребенка. Она чуть дрогнула под его ладонью, и Берг отшатнулся, словно обжегшись.

– Он жив?! – спросил присевший на корточки Эрни.

Номад кивнул, бережно поднимая застывшее тельце.

– Но что... что мы будем с ним делать? Он ведь почти грудной!

Номад не ответил. Он шел к кораблю, суетливо и непривычно прижимая к себе комоч плоти, лихорадочно прикидывая, что на борту может послужить ему достаточно удобной постелью...

По щекам старого контрабандиста текли слезы.

Часть 1. ОСКОЛКИ

*Я видел страх в глазах солдата,
Архангел с ликом сатаны,
Сюда привел меня когда-то.
К осколкам ледяным войны.*

*И те, кто выжил, будут вечно
Завидовать своим врагам,
Чьи души кружат тут и там,
В безмолвном крике бесконечном...*

« Я мыслю... следовательно – существую? »

Это сказал не я. Я лишь поставил знак вопроса в конце фразы, немного изменив ее смысл.

У меня целый океан времени, чтобы размышлять. Хотя нет. Не океан. Маленькое озеро. Не так глобально, как первое, но вполне достаточно, чтобы утонуть, захлебнуться в запоздалом понимании вещей.

Смешно... Я сижу в тесном загерметизированном отсеке на пустом пластиковом ящике из-под «ИМ-12» и пишу обыкновенным карандашом на обыкновенных листках. У меня нет будущего – я получил смертельную дозу радиации, и вряд ли протяну больше пяти-шести лет... Но даже этот срок кажется мне сейчас преувеличенно большим, если брать в расчет то, что таится в безмолвии вакуума, за хрупкими стенами моего укрытия. Мне смешно и горько потому, что я никогда не испытывал такого спокойствия и такой решимости жить, как сейчас. И никогда с такой убийственной ясностью я не понимал сущности происходящего.

Я не знаю, к кому обращаюсь – к самому себе или к тебе, человек, который держит в руках мой дневник... Ты мог прийти сюда только по двум причинам – либо ты исследователь, и прошли тысячи лет после моей смерти, либо ты бесстрашен. Если же ни то и ни другое, тогда беги. Знай – вокруг тебя ад. Он создан руками людей. Он – квинтэссенция смерти. И он как в зеркале отражает в себе темные закоулки человеческого сознания.

Впрочем, если ты ступил сюда – решай сам».

ГЛАВА 1.

...Сизый, удушливый дым рваными пластами растекался по коридорам и палубам крейсера «Россия». Флагман флота Свободных Колоний умирал тяжело, как и подобает кораблю его класса. Турбонасосы дико выли, пытались очистить удушливый воздух, но их мощности уже не хватало. Повсюду горели красные аварийные сигналы. Многие отсеки не открывались – за их дверьми царил вакуум, ворвавшийся в корабль через десятки пробоин.

Гравитация скакала, как заблагорассудится поврежденным генераторам, и потому продвижение группы десантников по главному коридору крейсера напоминало миграцию стада жабоклювов – люди то взлетали вверх, то падали, опять поднимались, чтобы быть брошенными на стену, и все это среди дыма, криков и беспорядочного огня импульсных винтовок, когда из боковых ответвлений появлялись штурмовые группы противника... или свои, ищущие спасения.

В этом аду все смешалось...

– Серега, через сотню метров поворот! – проорал Андрей в коммуникатор шлема, одновременно разворачиваясь, чтобы прошить огнем боковой коридор.

– Что там?

Ответ был едва слышен из-за злобного треска статики на электромагнитном компенсаторе его «ИМ-12». Снаряды импульсной винтовки с воем пронеслись в теснине транспортного тоннеля, и через секунду из него, как из жерла мортиры, полыхнул огонь, усеяв пол коридора дымящимися обломками.

– Пятый орудийный комплекс... если он еще цел.

– Будем надеяться.

Они продвигались прыжками, спина к спине, поливая из «ИМ-12» боковые коридоры и неуклонно приближаясь к цели. Крейсер еще можно было вывести из боя. Центральный компьютер по-прежнему осуществлял контроль над основными системами корабля, но для перехода в гиперсферу было необходимо остановить бешеный танец маленьких космических истребителей, круживших, как осы, вокруг исполинского крейсера.

На остальных кораблях флота в этот момент происходило примерно то же самое. Битва была проиграна, и теперь судьба десятков планет зависела от того, удастся ли остаткам армады вырваться из кипящей бойни. Никто, в том числе и трое пробивающихся к орудийному комплексу десантников, не сомневался – как только будет покончено с их флотом, крейсера Земного Альянса вновь ринутся бомбить незащищенные планеты, как уже было однажды, пять лет назад...

Бежавший позади Андрея Курт Шнельхер внезапно споткнулся. Он сам едва устоял на ногах, ухватившись за поручень. Крейсер содрогнулся от очередного удара.

«Фрайг, еще одно попадание!..» – со злобой подумал Андрей. Каждый такой удар уменьшал их шансы вырваться на гипердрайве. Он собирался ринуться дальше, к видневшимся у поворота тоннеля массивным люкам орудийных башен, но в этот момент противоположная стена вдруг налилась темно-вишневым цветом и начала вспухать громадным пузырем.

– О, mein Gott...

Курт был прав. Им, похоже, оставалось только молиться...

Пузырь лопнул, разбрызгивая вокруг капли твердеющего металла. Андрей упал на пол и уцепился за крепежную скобу, чтобы рванувший в отверстие воздушный поток не вынес его в космос.

Смерч декомпрессии бесновался не больше двадцати секунд – он следил за датчиками скафандра, пока не уверился, что в главном коридоре «России» воцарился вакуум. Как только давление иссякло, Андрей вскочил на ноги, и одновременно громадную пробоину заполнил

тупой нос автоматического десантного рейдера. Это было худшее, что могло произойти. Он понял, что через несколько секунд в коридор ворвутся штурмовые кибермеханизмы Земного Альянса, и оглянулся.

Сергей уже расставил телескопическую треногу, и Курт трясущимися руками пристраивал на нее корпус генератора короткоживущей плазмы.

– Беги! – приказал он.

Андрей замялся.

– Выполняй! Сбей истребители! – проорал Сергей, спуская гашетку.

Адское пламя заплясало по изуродованному коридору, ослепительным веером расходясь по броне рейдера. Первого появившегося в люке робота разнесло на куски.

Колебаться было бессмысленно, и Андрей побежал вперед.

«Только бы открылся люк», – мысленно молил он, ударяя ладонью по кнопке. Многотонный бронированный овал лениво вздрогнул и пополз в сторону. Эта живучесть боевых систем наполнила его идиотской гордостью за людей, строивших крейсер. Тот был способен драться даже при критических повреждениях корпуса!..

Внутри орудийной башни горел свет. Андрей рухнул в кресло оператора, одновременно считывая информацию с двух главных мониторов. Накопители шестиствольного лазерного орудия были заряжены энергией. Оно еще не сделало ни одного выстрела. Несколькими переключениями он запустил программу автоматического заградительного огня, оставив на ручном управлении один ствол. Затем подключил толстый жгут интерфейса к своему гермошлему и взглянул на обзорный экран. Люк за спиной закрылся, и отсек стал заполняться воздухом из резервуара башни.

Теперь он сам стал частью орудия. Два сенсорных рычага наводки поднялись от пола, и Андрей привычно охватил гашетки расслабленными пальцами.

Виртуальная реальность...

Андрею вдруг захотелось рвануть кабель интерфейса, чтобы не видеть тысячи разрозненных точек – все, что осталось от флота Свободных Колоний.

Перед ним раскинулась объемная панорама проигранной битвы. Все данные уже были обработаны компьютером орудия, и он видел мир посредством его видеосенсоров. Зрелище парящих в космосе обломков подавляло разум, но он заставил себя вновь взяться за рычаги, возбудив в сознании всю злобу, отчаяние и желание жить, что испытал за последние часы.

Орудийная башня вздрогнула – это системы боевого компьютера ориентировали ее в пространстве. Гулко завибрировали моторы подачи, и электронно-механический мир ожил. Из орудийного погреба эскалатор уже подавал кассеты со снарядами к двум батареям поддержки. Турельные электромагнитные орудия раскрыли диафрагмы сканирующих комплексов, отслеживая траектории истребителей противника.

Андрея пробил короткая дрожь, когда он увидел сигналы «Готовность» на мониторах шести лазерных установок комплекса «Прайд-12». Его возбуждала эта мощь, он становился сильнее, сидя в кресле оператора. И еще он испытывал жгучую горечь. Все смешалось в его душе в короткие секунды подготовки.

Гигантский суппорт плавно начал выдвигать башню в открытый космос. Один за другим оживали боковые мониторы, по мере того как открывались новые сектора обстрела. И одновременно на многоступенчатых консолях начали расцветать кровавые сигналы. На дисплеях побежали колонки цифр, на доли секунды прерываемые коротким и емким сообщением «ЦЕЛЬ ЗАФИКСИРОВАНА».

Залп.

Визор гермошлема запульсировал. Андрей отчетливо видел разлетающиеся в разные стороны уродливые фрагменты брони уничтоженных «Фантомов». Точки гасли одна за другой,

но им на смену появлялись новые. По отсутствию атмосферных выхлопов он понял, что ведет бой с автоматическими истребителями, на борту которых царил вакуум.

Странные вещи порой творит сознание солдата. Через некоторое время Андрей уже не мог с точностью ответить на вопрос – является ли оружейный комплекс продолжением его воли или же его переполненный адреналином мозг лишь придаток этого бесчувственного, полыхающего огнем электронно-механического монстра.

Датчики накопителей энергии показывали половину боевой емкости. Он взглянул на счетчик снарядов. Оружейные погреба почти опустели. Андрей не поверил и посмотрел на хронометр. Он сражался почти тридцать минут!

В прицеле визора остались только две атакующие точки.

Он машинально коснулся сенсора на вспомогательном пульте, и по системе потек жидкий азот, охлаждая раскалившиеся отражатели орудий. Откинув забрало гермошлема, Андрей закрыл глаза и сжал виски. Его трясло. В голове кто-то пролил несколько капель расплавленного свинца. Такова была плата за сверхэффективную нейросенсорную связь с компьютером оружейной башни. В моменты такой жуткой опустошенности он ненавидел машины и равно – создавших их людей. Но боль уходила, и он знал, что его вновь и вновь будет тянуть в рациональный и холодный мир виртуальной реальности.

Но это потом. А пока была страшная усталость и тяжелое отупение.

Андрей заставил себя открыть глаза и вызвать ходовую рубку «России».

Удивительно, но система интеркома работала. На мониторе связи появилось лицо второго вахтенного капитана.

– Пятый оружейный комплекс, лейтенант Воронцов, – устало доложил Андрей. – Сектор космоса в районе двигателей свободен от штурмовиков противника.

Капитан молчал, словно увидел безумца или выходца с того света.

«Фрайг побери, что должно произойти в рубке, если командир так смотрит на офицера, выполнившего приказ?.. Чем они там заняты?» – мысли роились среди боли и постэффектов боя, а вместе с ними росла злая обида.

– Отвечайте, капитан! – в бешенстве потребовал он.

Офицер молчал, и Андрей понял, что сейчас потеряет всякий контроль над собой. Перед глазами плавало видение изуродованных тел Курта и Сергея. Они отдали жизни, чтобы он прорвался, а этот...

Лицо вахтенного капитана исказила гримаса, в которой были гнев и страх. Животный страх перед какой-то неизбежностью...

– Поздно... – выдавил он, и от этого голоса мурашки побежали по спине Андрея. – Приготовься к смерти, сынок...

Монитор связи погас. Он сидел, совершенно ошалевший. Что за...

И в этот момент полыхнул СВЕТ.

Иначе это описать невозможно. Подходит только одно слово «СВЕТ». Он вспыхнул со всех сторон, так, что корабли, казалось, отбросили друг на друга резкие черные тени... Как будто гигантская фотовспышка осветила на мгновение происходящую во тьме драку.

Рука Андрея инстинктивно рванулась к пульту, но экраны внезапно залил нестерпимый огонь, раздался треск, в нос ударил специфический запах горячей изоляции... и вдруг все с грохотом и стенаниями рвущегося металла ухнуло куда-то в бездну...

Воронцов потерял сознание от внезапной перегрузки, но спасительное забытие длилось считанные мгновения. Автоматика боевого скафандра не могла позволить солдату валяться в беспмятстве, когда вокруг кипит бой, и острый укол инъектора сразу же привел его в чувство. К горлу подкатила тошнота от наступившей невесомости, но гораздо хуже было безошибочное ощущение чего-то страшного и непоправимого...

Андрей понял, что оружейную башню оторвало от крейсера.

В такие секунды главное – не потерять голову. Он поочередно включил телескопический обзор, сигнальный маяк и аварийный передатчик.

Тишина... Он еще и еще раз выходил на связь, пока наконец не понял бесплодности таких попыток.

Его отсек летел куда-то, беспорядочно вращаясь, экран радара был темен и пуст; ни единого шороха в коммуникаторе, ни команд, ни призывов о помощи. Лишь на приборной панели одна за другой вспыхивали красные предупреждающие строки:

«Термоядерный взрыв в пространстве.. Дистанция – три световых секунды. Время – минус семьдесят секунд».

«Вторичное излучение».

«Нагрев обшивки выше допустимого предела на 800 градусов».

«Функции защитного поля не восстановлены».

«Лазерное орудие – порядковый номер 5 – уничтожено».

«Система аварийного жизнеобеспечения включена».

«Ваш отсек преобразован в автономный модуль».

«Рекомендовано поддерживать предельный уровень личной защиты в течение пятидесяти часов».

«Угроза для жизни!»

Последняя надпись назойливо мигала.

* * *

Каждый из нас, прежде чем умереть, должен был сойти с ума. А ведь мы – я имею в виду целое поколение, – миллионы молодых парней на пятидесяти семи колонизированных планетах, – мы выросли, не зная боли и страха. Позже нас называли «саженцами войны»...

Наверное, тому, кто прошел хотя бы одной, самой короткой тропкой этого чудовищного противостояния, уже невероятно трудно, почти невозможно верить, что мир был иным. Но я помню. Помню беззаботный смех матери, добрые глаза отца... Теплую воду пурпурного океана родной планеты. Помню свое ощущение безграничного покоя и счастья, какое бывает только у маленьких детей. Мир лежал у моих ног, такой огромный, удивительный и теплый. Он был моим.

И так было везде. Планеты, колонизированные в период Великого Исхода¹, за четыре столетия окрепли, превратившись из диких и враждебных в развитые, цивилизованные миры. Мы были первым поколением, которому не нужно было бороться за выживание... но все наши мечты оказались втоптаны в грязь, смешаны с пеплом, заморожены вакуумом...

Я не обвинитель и не пацифист. Я – солдат, легализованный государством убийца, силой обстоятельств вырванный из порочного круговорота смерти и брошенный посреди ледяного, великого ничто подышать и думать...

* * *

...Два часа назад он был молод и полон сил, и вот теперь умирал – медленно и страшно. Его пересохшие губы что-то шептали, но за толстым стеклом гермошлема не было слышно ни звука.

Мониторы внутренней связи серебрились беспорядочным мерцанием точек... Многочисленные консоли управления утратили многоцветье индикационных сигналов, экраны

¹ Великий Исход – период массового колониального бума когда сотни транспортов с поселенцами стартовали из перенаселенной Солнечной системы после первых опытов полета в гиперсфере.

потускнели, подсветка панелей и датчиков погасла. Кибернетическая система орудийного комплекса умирала вместе с человеком.

Прошло всего несколько минут после того, как аварийный информ выдал последнее сообщение. Сгоряча Андрей не обратил внимания на суммарную мощностъ взрыва, да и в любом случае она показалась бы ему нереальной – не было в составе обоих флотов оружия, способного генерировать такую мощностъ, что зафиксировали датчики, пока он вдруг не почувствовал, как тупая боль принялась выламывать его суставы.

Нет ничего хуже осознания неизбежности. В панике взгляд Андрея заметался по приборным панелям.

Проникающее излучение... Угроза для жизни...

К горлу подступила тошнота. Суставы уже не болели – они пылали, как и все тело...

Андрей понял – приборы не врут и его отсек летит среди бушующего ада тяжелых частиц... и они каждую секунду неслышно пронзают плоть, разрушая клетки...

Ужас сжал его горло ледяными, корявыми пальцами. Андрей вскочил, распахивая створки встроенных шкафов. В глубине одного ровно поблескивал ряд боевых скафандров высшей защиты. Он протянул руку, но в этот момент острая боль пронзила грудную клетку, и он повалился на пол, содрогаясь от внезапного приступа удушья.

И опять острые уколы инъектора вернули его в реальностъ.

Он никогда не был трусом. И по-настоящему страшно ему стало только сейчас. Страшно и отвратительно умирать...

Он собрал остатки сил и, приподнявшись, потянул на себя серые защитные оболочки. Гора скафандров накрыла его с головой, ослабляя беспощадный поток ускоренных частиц, и он инстинктивно вполз в самую середину бесформенной груды...

Через несколько минут надежда сменилась отчаянием.

Андрей уже не мог шевелиться – он превратился в беспомощную куклу, в стороннего наблюдателя собственной смерти. Небытие накатывалось на него удушливыми черными провалами, чередующимися с минутами просветления, но и они были полны горячечного бреда. Говорят, перед смертью человек вспоминает жизнь... ничего подобного. Он все еще мучительно переживал свой последний бой...

Боль... Как больно... Его суставы выкручивало, тело жег огонь. Он хрипел, чувствуя на губах отвратительную, тошнотворную пену и... укол. Сознание в очередной раз взорвалось фейерверком радужных пятен и постепенно погасло, словно он упал в нежные объятия блаженной пустоты...

* * *

Он был... И в то же время не был...

Растерзанное сознание творит странные вещи.

...Огонь. Едкий запах горелой изоляции. Далекие взрывы и дрожь корпуса гигантского космического корабля...

...Черное ничто гиперсферы. Томительное ожидание перед боем. И почти как трубный глас архангела смерти – спасительное избавление от неизвестности – рев сигналов тревоги.

Они, затаив дыхание, следили, как их флот занимает позиции около мертвого, безымянного планетоида. На его орбите уже находилась исполинская бронированная сфера – станция которая должна была координировать действия сотен кораблей. На ней сейчас находился адмирал, и там же, в штабе флота, был сейчас отец Андрея.

Детекторы уловили возмущения пространства. Что-то пыталось вырваться в трехмерный континуум из адского Ничто, именуемого «гиперсфера»...

Андрей не знал, что это сражение войдет в историю как первый опыт «тактики прокола»... Он никогда не прочтет учебников, написанных для будущих поколений, но ему никогда не забыть, как призрачно-голубые вспышки гиперпереходов внезапно засверкали прямо среди боевого построения Флота Колоний...

В первой волне шли автоматические корабли-смертники. Около сотни ядерных взрывов расцвели в пространстве, превратив в обломки половину их флота, и вслед за ними, волна за волной, начали появляться боевые крейсера Земного Альянса...

* * *

Сознание возвращалось к нему...

Он обливался потом, извиваясь от боли, пока по-настоящему не позавидовал мертвым.

Андрей возвращался в кошмарную реальность. Но у него больше не было желания жить. Зачем? Он ведь понимал – оторванная от корабля орудийная башня летит в никуда, в бездну, из которой нет возврата...

Он знал, как прервать эту пытку, но не мог дотянуться до личного оружия – гора скафандров намертво припечатала его к полу. Он захрипел и вдруг почувствовал, как горячие капли текут по щекам. Он не мог даже застрелиться...

Потом сознание вновь начало гаснуть. Его охватила чернота, в которой бешено вращалась светящаяся спираль. Она вкручивалась в воспаленный мозг, неся облегчение, и он тянулся к ней, страстно желая избавиться от непристойности собственной смерти... но тут, в который раз, заработали системы поддержания жизни боевого скафандра.

Зачем?!

Он проклинал пытавшуюся спасти его автоматику... Андрей хотел всего лишь умереть, но система жизнеобеспечения была в состоянии выжать из замурованного в скафандре солдата все его силы, до последней капли...

Черная бесконечность протянулась из прошлого в будущее.

Спираль то появлялась, то исчезала.

Потом, наконец, наступил абсолютный мрак.

ГЛАВА 2

Андрей очнулся спустя семьдесят часов.

Открыв глаза, он долгое время лежал, бессмысленно глядя на внутренние датчики гермошлема.

«Я все еще жив...»

Трепетные огоньки индикаторов дрожали у отметки «ноль»: ресурс боевого скафандра исчерпан полностью.

Вокруг царили темнота и вонь. Андрей пошевелился, и одеревеневшее тело отозвалось тупой болью. От движения куча скафандров чуть сместилась, и в поле его зрения попала полоска красноватого света.

Он задыхался от слабости и запаха собственного тела. Кое-как перевалившись на бок, он выполз из груды скафандров под красноватый свет двух аварийных ламп, освещавших оружейную башню. Все экраны были мертвы, как и пульта управления оружием, лишь на резервном информере тускло светилось несколько строк:

«Лазерное оружие – порядковый номер 5 – уничтожено».

«Ваш отсек преобразован в автономный модуль».

Андрей тупо смотрел на эти строки, на ощупь расстегивая замки скафандра.

Самое страшное, что только могло случиться, произошло именно с ним. За семьдесят часов его могли уже сто раз вытащить из изуродованной оружейной башни...

Он был списан в процент потерь и забыт.

Андрей настолько ослабел, что у него не было сил даже для отчаяния. Замки скафандра наконец поддались, и он, задыхаясь, содрал с себя герметичную оболочку вместе с комбинезоном и нижним бельем.

Он лежал на полу, чувствуя покалеченной кожей прохладу пористого пластика, и скупые слезы катились по его небритым щекам. В этот момент он ненавидел Фортуну, давшую ему шанс... Выжить ради того, чтобы умереть, – это могло показаться смешным, если бы не было так страшно и очевидно...

Его кожа обгорела, словно он лежал под лучами палящего солнца... Если не выбраться отсюда в ближайшие часы, то доза полученной им радиации станет равносильна смертному приговору. Ему срочно требовалась квалифицированная помощь... Эта мысль помогла подняться на ноги и доползти до операторского кресла.

Он вскрыл неприкосновенный запас и сделал себе две инъекции – обезболивающего и стимулятора.

Через несколько минут боль понемногу отступила. Пошатываясь, Андрей встал, пошатываясь сделал несколько шагов, скормил утилизатору отходов свой боевой скафандр и, надев чистый комбинезон, вернулся к терминалу компьютера.

Машина, как выражаются техники, «зависла». Картинка на экране не менялась. Тусклый свет аварийных ламп говорил об отсутствии энергии в накопителях, либо об обрыве в цепях питания.

Он отыскал сенсор с текстоглифом полного перезапуска всей системы, уповав на резервное программное обеспечение. Если внутри кибернетических схем ничего не сгорело, то машина сама должна произвести диагностику повреждений и тестирование памяти... А если нет? Рука Андрея застыла над пультом. Это была русская рулетка чистейшей воды. Вот сейчас он сбросит те программы, что еще работают, чтобы запустить «зависшие» блоки, а если ничего не заработает вновь?

Свет на секунду мигнул, когда его палец коснулся сенсора.

Компьютер оружейной башни работал.

В углу основного монитора промелькнули цифры тестирования памяти.

«Сбой питания».

«Ждите».

Он откинулся в кресле. Внутри многоярусных пультов управления и за пластиковыми панелями обшивки стен что-то шелестело и щелкало – это система машины, используя аварийный запас встроенных аккумуляторов, пыталась найти неповрежденные цепи.

Свет вновь замигал, и вдруг ярко засияли обычные плафоны. С тихим щелчком включился регенератор воздуха, и по приборным панелям прокатилась конвульсивная волна огней.

Орудийная башня оживала.

Андрей невольно подался вперед, игнорируя сообщения системы: его внимание привлек один из секторов обзорного экрана, который вдруг начал транслировать изображение.

...Огромный, кроваво-красный спрут растекся в пространстве, затмевая своим свечением далекие искры звезды.

«Пространственные координаты объекта совпадают с координатами планетоида Y-047».

Сообщение системы не оставляло места для сомнений. Клубящаяся спиралевидная туманность была остатками той безжизненной планеты, на орбите которой в начале боя висела координирующая станция колонистов.

Планета была уничтожена!..

Не расколота ракетными ударами, не взломана гравитационными орудиями, а именно уничтожена...

Андрей не желал этому верить, но факты... Перед глазами вновь вспыхнул ослепительный СВЕТ, и он наконец понял, что означала та вспышка.

Планета была аннигилирована.

В полной прострации Андрей вновь повернулся к единственному уцелевшему обзорному экрану.

Туманность переливалась, по ее «щупальцам» зримо пробегали волны алого свечения. И на фоне этого знака вселенского апокалипсиса двигалось множество сверкающих точек. Их были тысячи.

Он понял, что тут не было победителей.

Перед его глазами проплывало кладбище обоих флотов.

* * *

«Выжить...» Эта мысль все настойчивее стучалась в сознание Андрея.

Он смотрел в стереообъем монитора и растворялся в окружающей модуль бездне; жуткое чувство потерянности и одиночества захлестнуло его, но это не было приступом агрофобии² ... просто он вдруг перестал воспринимать себя винтиком огромной машины, – она была мертва, разбросана вокруг тысячами исковерканных обломков металла. Цивилизация бросила его, ничуть не заботясь о дальнейшей судьбе Андрея Воронцова...

Он остался один.

Его окружали миллиарды километров холода и пустоты.

Андрей не хотел в это верить. Он не мог согласиться с безвыходностью своего положения и тем самым поставить себя перед неизбежностью новой агонии. Однажды пройдя через ужас медленной, осознанной смерти, он не допускал мысли о повторе.

«Сюда обязательно прилетят... Они обязательно вернуться, нужно только суметь дождаться!...»

² Агрофобия – боязнь открытого пространства.

Только много позже Андрей понял, что в тот момент упорно отказывался объективно оценить свое положение – он был ошеломлен, испуган, взвинчен. Он цеплялся за иллюзии... не принимая того, что трагедия этой битвы, этого флота навсегда останется его трагедией, а Галактическая война уже укатила дальше, своей страшной кровавой дорогой...

* * *

В каждом отсеке космического корабля имелся автономный запас продуктов, воздуха и воды. Та ситуация, в которой оказался Воронцов – один, в дрейфующем обломке, преобразованном в автономный модуль, была стара как мир. Вся история покорения космоса изобилует подобными случаями, с похожими началами, но разными концами...

Технически проблему выживания при авариях решили давно, но все равно спастись удалось немногим. Дело было не в технике, а в разуме человека. Теперь Андрей пожалел, что не боролся со сном на лекциях по космической психологии.

Прошло всего семь суток с того момента, как Воронцов очнулся среди тусклого сияния красных ламп, а он уже успел вкусить от прелестей полного одиночества.

Фрайг... В двадцать лет невозможно серьезно относиться к таким занудным дисциплинам и готовиться к полнейшей изоляции, когда жизнь еще только началась!..

Одно он помнил очень четко. «Не смотрите в одну точку» (прозвище преподавателя космопсихологии) часто повторял: «Двумя основными причинами психических отклонений в замкнутом пространстве являются потеря надежды и физическое бездействие. Именно поэтому погибают девяносто процентов спасшихся...»

Им постепенно овладевала злость. Андрей слишком хорошо понимал, что он не герой. Оказывается, это совершенно разные вещи – пасть в бою или сдохнуть от тоски, одиночества и неизлечимой в таких условиях лучевой болезни...

Не потерять надежду... Легко сказать. Он вышагивал по оружейной башне, ел, спал, пока к исходу седьмых суток не понял, что начинает сходить с ума. В свое время события захлестнули двадцатилетнего парня своим бешеным водоворотом, неумолимый вихрь войны промчал его сквозь четыре года жизни и внезапно бросил тут, среди мрака, холода и безысходности...

То, что раньше лишь брезжило на пороге сознания, вызывая смутное беспокойство, вдруг стало очевидным, стоило лишь немного поразмыслить...

Андрей понял, что умрет, и тогда запретил себе думать. Он вскрыл все шкафы, вытряхнул на пол их содержимое и, сидя среди кучи барахла, изобретенного для того, чтобы молодым парням было сподручнее уродовать друг друга, выработал новую концепцию бытия.

Его злость нашла выход, и от этого стало чуть-чуть легче.

У него был набор стандартных инструментов, запасные части к системе наведения, и компьютерные базы данных, содержащих справочники по ремонту...

Чтобы не сойти с ума от тишины и одиночества, он выдрал консоль управления лазерным оружием и принялся за разборку.

Шли дни, и он начал терять ощущение времени. Копаясь в тонкой аппаратуре, Андрей уставал морально, но не физически. Тогда он вставал и начинал прыгать по тесному отсеку, отталкиваясь от стен, пока не выматывался окончательно. Иногда эти «тренировки» заканчивались приступами истерического смеха – он сам себе казался придурком, кривляющимся, как обезьяна... но кто мог его видеть и как по-другому двигаться, когда автономный гравитатор дает всего одну десятую привычной силы тяжести? По крайней мере, это помогало ему сохранить рассудок.

На самом деле ему было страшно. Он ненавидел себя за этот страх, но стоило вспомнить бесконечные часы агонии, как к горлу подкатывала тошнота. Он просто хотел жить. Он украдкой мечтал о том благословенном дне, когда сможет, вопреки всему, вернуться... Андрей гре-

зил наяву о том часе, когда его нога вновь ступит на любую планету. Лишь бы над головой было небо, а под ногами земля...

Он работал, доводя себя до изнеможения, чтобы не думать, и все равно думал, мечтал и... работал.

Прошло девяносто два дня.

Он похудел, лицо приняло землисто-бронзовый оттенок. Руки Андрея были в ожогах и ссадинах, но теперь он досконально знал оружейную башню, в которой вновь функционировали радар и передатчик. Теперь он был уверен, что корабль спасателей не пролетит мимо, – его обязательно услышат, но он не заметил, как стал думать об этом совершенно равнодушно.

Чтобы закончить ремонт, ему осталось восстановить антенны.

Для этого он должен был покинуть отсек и выйти в открытый космос.

Облачившись в скафандр, который он заново укомплектовал и зарядил энергией, Андрей вышел из отсека в коридор, который когда-то вел на десятую палубу крейсера «Россия». Теперь от него осталось всего два метра – дальше проход закрывала аварийная переборка. Задрав ведущий в отсек люк, он включил откачку воздуха и оттолкнувшись от пола осторожно подплыл к герметичной перегородке. Впервые за три месяца одиночества он собирался покинуть свое убежище. Андрей нерешительно взялся за штурвал, и вдруг им овладело нетерпение. Лихорадочно открутив винтовой запор, он распахнул аварийный люк... и замер.

Впереди, насколько хватало глаз, расплескалась чернильная бездна – гигантское око Вселенной, равнодушно вззирающее на него миллиардом зрачков. Он непроизвольно подался назад...

Дозиметр гермоэкипировки встревоженно защелкал, выведя Андрея из прострации. Закрепив страховочный фал, он выбрался на поверхность, утвердившись на внешней обшивке благодаря специальному составу, покрывающему подошвы скафандра.

Быстро установив обе антенны, он вернулся к люку, и только тогда позволил себе оглядеться.

Зрелище, представшее его глазам, угнетало и завораживало одновременно. Он стоял на бесформенном обломке корабля, у мрачного, уродливого провала. Поверхность оружейной башни покрывали потеки расплавленного металла, в нескольких местах наружу торчали взломанные при взрыве бронеплиты, и над всем этим царил скелет лазерного орудия. Прочнейшие балки его каркаса перекорежило, и оттого конструкция накренилась, став похожей на подбитую птицу. Две только что установленные антенны казались чужеродными вкраплениями среди царящего вокруг хаоса.

Пока Андрей рассматривал скелет орудия, что-то изменилось во мраке космической ночи. Согнутые опоры, казавшиеся серыми, вдруг окрасил нежно-розовый свет, на глазах потемневший до вишневого. Андрей поднял взгляд и понял, что происходит. Его обломок медленно вращался вокруг своей оси, и он только что стал свидетелем восхода туманности над смехотворно-близким горизонтом маленького небесного тела, в которое превратилась оружейная башня «России».

Однако это была только прелюдия. Внезапно во мраке один за другим стали вспыхивать яркие огни. Андрей внутренне содрогнулся от неприятной, но верной мысленной ассоциации – это выглядело так, словно кто-то полоснул ножом по черному покрывалу пространства, и на нем проступили капли крови...

На самом деле он понимал: огни – не более чем обломки кораблей, освещенные кроваво-красным восходом туманности.

Их были тысячи, в одном месте они уплотнялись, образуя неправильной формы шар. После нескольких минут наблюдений он понял – его отсек тоже сносит к этому скоплению, и в ближайшие недели он пролетит совсем близко от наводящего ужас сфероида.

По спине прокрался неприятный холодок. Что он мог противопоставить законам небесной механики? Рано или поздно его неуправляемый дрейф закончится столкновением с кладбищем изувеченных кораблей...

Он уже не отчаивался. Казалось, Андрей понемногу утратил подобные чувства. Каждый день, проведенный в борьбе с самим собой, изменял его отношение к превратностям судьбы, но это не было возмужанием – он попросту свыкся с постоянным чувством опасности, и оно притупилось, потеряло остроту...

Несмотря на тревожное пощелкивание дозиметра и произвольный страх перед черной бесконечностью пространства, он пересилил желание вернуться в спасительный отсек. Собственная беспомощность раздражала и отчасти придавала сил. Он почти физически ощущал свое одиночество.

Сделав неуверенный шаг вперед, он зацепил карабин страховочного фала за погнутую стойку орудия и начал осторожно карабкаться через баррикаду вставших на дыбы бронеплит.

Преодолев двенадцать метров исковерканной обшивки, он взмок и выбился из сил. На остекленевшей от адской температуры поверхности было практически не за что зацепиться, и Андрей постоянно рисковал сорваться. Медленно вытягивающийся вслед за ним тонкий трос ничуть не придавал ему уверенности – бездна пространства пугала до тошноты, и Андрею казалось, что стоит потерять контакт подошв с оплавленной броней, и космос поглотит его, несмотря на страховку.

Наконец, после серии осторожных перемещений, он увидел два оплавленных полушария, располагавшихся слева от орудия.

Это были резервуары со сжиженным азотом – его единственная надежда хоть как-то скорректировать дрейф своего обломка. Сжиженный газ был способен выполнить функцию простейших струйных рулей, оставалось только придумать, как выпустить его в нужный момент и в нужном направлении...

Андрей преодолел еще несколько метров и тщательно осмотрел клапаны системы аварийного сброса азота. Они оказались оплавлены, как и вся обшивка. Перед глазами от напряжения мельтешили разноцветные искры. Закрепившись с помощью страховочного устройства, он мрачно взглянул на сфероид, вновь поразившись этому ирреальному образованию.

В эти минуты Воронцов не полагал, что там его ждет СУДЬБА.

* * *

Обломки...

Тысячи тонн покореженного металла и расплавленного пластика...

В мрачном коридоре, среди плавающих в невесомости мертвых тел, кто-то нетвердой рукой вывел на стене: «Помоги нам Бог...» Обломки крейсеров и транспортов, космических ремонтных баз и легких разведывательных кораблей, миллиарды киловатт энергии, тысячи рабочих часов, чьи-то страх и ненависть, любовь, мудрость и глупость – все смешалось в единой усыпальнице, как будто здесь расположилось кладбище самих надежд человечества.

Обломки великой битвы – зловещий памятник тем, чьи тела, законсервированные вакуумом от тлена, обречены вечно плавать во мраке кораблей, ими же созданных. Не горький ли конец для существ, чей разум сумел постичь звезды, но оказался бессилем унять собственные амбиции?

Большинство обломков, подчиняясь гравитации туманности, собрались вместе. Их единение было столь же капризно и непрочное, как не скрепленная цементом кладка, – корабли находились в постоянном хаотическом движении, внутри незримой сферы, за границы которой им не позволяло уйти взаимное притяжение. Бесшумные столкновения были тем более зловещи, что оценить их силу казалось делом невозможным. Бронированные борта деформиро-

вались, надстройки сминались и обламывались. Иногда энергия столкновений плавила металл, и изувеченные корабли соединялись в местах удара..

Казалось, жизнь навсегда покинула это место.

Но ведь кто-то вывел те слова...

* * *

Еще трижды Андрей выходил в космос, прежде чем сумел отвернуть один из кранов системы аварийного сброса азота. Скопление обломков приближалось. Сначала ему казалось, что отсек пролетит мимо, но по мере сближения с уродливым, сверкающим сфероидом его крохотный модуль все сильнее отклонялся к центру гравитации.

Вокруг начали появляться обломки. Они безмолвно проплывали мимо, поражая воображение безобразными пробоинами, или выпученными наружу силой декомпрессии оплавленными участками брони. Из корпуса десантно-штурмового модуля, словно изломанные руки, торчали погнутые крепления выдвижных лазерных орудий. Следом за ним летел, медленно вращаясь, земной крейсер. Внимание Андрея привлекли распахнутые створы десантного шлюза и облако черных точек, парящее около него. Часть из них, из-за вращения крейсера, растянулась, окольцовывая корабль, словно порванные бусы...

Модуль начало разворачивать. Крейсер имел осязаемое поле тяготения. Андрей принял решение, решая, стоит ли выходить на поверхность, чтобы открыть клапан. Траектория его движения вела к распахнутому шлюзу. Там должен быть кислород. От этой мысли ему стало хорошо. Кислород, еда, мощный передатчик и, может быть, люди!..

Следующий час прошел в томительном ожидании. Его отсек попал в гравитационное поле крейсера, и тот тащил его в космос, удаляясь от массы обломков по вытянутому эллипсу. Черный провал десантного шлюза надвигался, неотвратимо, как судьба. Не выдержав, Андрей надел скафандр и выбрался наружу.

Эти дни заметно прибавили ему ловкости. Он вполне освоился с бескрайней бездной, кровавыми бликами и ощущением полнейшего одиночества. Закрепив страховочный фал, он выпрямился, стоя на броне своего отсека.

Одна из черных точек летела прямо на него, да и другие начали отрываться от плотного скопления, обтекая по сторонам модуль, который постепенно входил в центр непонятного облака.

Андрей присмотрелся.

Сначала он различил руки, потом увидел отблеск на стекле гермошлема, и вдруг смутное видение укрупнилось во всех кошмарных подробностях. Он летел среди трупов...

Это оказались десантники. Корабль брали штурмом – серые спецназовские скафандры были раскрыты лазерными лучами, и черная кровь ледяными потеками кристаллизовалась вдоль обугленных ран. Сквозь осколки лопнувшего забрала он видел молодое, изуродованное агонией лицо и огромные пустые глаза...

«Космос был нам тесен...» – внезапно подумал Андрей, осознавая чудовищную нелепость и надуманность этой фразы. Они освоили крохотный клочок бескрайнего пространства, где есть еще тысячи девственных планет, и, едва покорив его, стали убивать друг друга, подчиняясь законам экономического и социального развития, а точнее, своей сущности, стадному инстинкту, отсутствию личного разума, когда кучка параноиков сшибала их лбами, заставляя молодых парней уродовать друг друга...

Он мог быть на месте этих десантников и плыть комком заиндевевшей плоти, став спутником изуродованного крейсера в безымянном секторе космоса.

Он больше не верил ни во что... Тела проплыли мимо, едва не задевая его раскинутыми руками, а следом уже надвигались новые, и еще десятки обтекали его со всех сторон.

Андрей уже не мог страдать – он лишь смотрел на них пустыми от боли глазами и понимал, что никогда больше не будет счастлив, даже если останется жив... Подобная память не умирает, и время бессильно против таких воспоминаний.

* * *

В глубинах боевого центра искалеченного крейсера тускло рдело несколько сигналов на компьютерных терминалах кибернетической системы. Люди погибли. Корабль разгерметизирован, почти лишен энергии, но те, кто плавал сейчас в вакууме вокруг обломков своей твердыни, создали совершеннейшие системы уничтожения. Их машинам не было равных.

Цель, появившаяся в зоне действия последнего функционально пригодного сферорадара, не несла никакой угрозы – одинокая фигурка невооруженного человека притаилась на поверхности искалеченного модуля лазерного орудия.

Однако боевые системы не понимали того, что битва давно окончилась. Для них не существовало понятия бессмысленности дальнейшего противостояния. Они продолжали слепо следовать программам, продолжая войну.

...Приводы точной наводки не функционировали, как и большинство вспомогательных сервомоторных систем, потому ствол вакуумного электромагнитного орудия, конвульсивно дернувшись, смог избрать лишь общее направление на цель. В беззвучии вакуума борт крейсера в последний раз озарили отрывистые бледно-голубые вспышки выстрелов. Пятый снаряд из обоймы перекосило, и он не пошел в ствол, но цель была поражена на девяносто процентов: по данным систем локации атакующий боевой модуль получил пробоину, из которой вырвалась мощная струя газа, и реактивная сила увлекла его прочь от крейсера, в сторону шарообразного скопления поврежденных кораблей.

Был ли уничтожен управляющий модулем человек? Сенсоры не давали точного утвердительного ответа, но кибернетическую систему уже не волновала дальнейшая судьба вероятного противника – его тело исчезало во мраке, вместе с фрагментом оружейной башни...

В умирающем корабле включился диск-кристалл, занося в бортовой журнал очередную победу крейсера «НОРД» над кораблем противника...

ГЛАВА 3.

– ...Хью, давай уберемся отсюда! – отрезал Номад, отворачиваясь от экранов внешнего обзора.

Эрни Хьюго с удивлением посмотрел на напарника.

– С каких это пор ты стал бояться мертвецов, Ном?

Берг молча откатился вместе с креслом к резервной панели и сделал несколько переключений. Затем протянул руку и взял чашку с кофе.

– Клянусь змееедами Прокуса, они причинили нам материальный ущерб, и мы вправе его возместить! – взорвался Хьюго. – Какого Фрайга ты испугался?!

Кофе оказался слишком горячим. Номад сделал большой глоток и, обжегшись, сердито фыркнул, едва не подавившись. Поставив чашку на место, он угрюмо вперился в обзорный экран, где среди чернильной бездны пространства переливался всеми оттенками красного гигантский, клубящийся спрут. Эта ядерная клоака находилась точнехонько на месте облюбованного ими планетоида, где они с Хьюго устроили замаскированный склад товара.

Планета была аннигилирована, об этом однозначно сообщил бортовой компьютер, а на орбитах вокруг ее останков кружили тысячи металлических обломков...

Один из мониторов постоянно вычерчивал идентифицированные контуры кораблей, по мере того как их обломки проплывали в зоне действия локационных систем.

– Эрни, ты понимаешь, что это значит?

Хьюго состроил рожу, означавшую наивное недоумение, но Номад не был расположен к обычной шутиливой перебранке. В глазах космического бродяги таился неподдельный ужас.

– Это галактическая война, Хью, – негромко констатировал он.

– Ну что ты паникуешь?! – вновь не выдержал Эрни. – Какого дьявола ты вдруг заартачился? Да, я вижу, от этой кучи металлолома прет радиацией на сотню парсек, ну и что? У нас есть защита, есть дезактиваторы, дистанционно управляемые роботы! Нет, ты только посмотри сюда! – Он ткнул пальцем в монитор, где в этот момент разворачивалась схема и технические характеристики очередного изувеченного корабля. – Боевой крейсер Земного Альянса! Наша посуда трещит по швам, реакторы истощены, а тут... – Он блаженно закатил глаза. – Мы всего за месяц отгрохаем себе такой корабль!... – Эрни еще раз посмотрел на напарника и добавил уже безо всякой иронии: – Знаешь, Ном, люди получают только то, что сами заслужили. Если бы все работали, как мы с тобой, добывая кусок хлеба, им некогда было бы бить друг друга морды!...

Номад сокрушенно покачал головой, но так ничего и не ответил – его опередил бортовой компьютер. Как раз в этот момент передатчик их корабля, в автоматическом режиме менявший частоты связи, дошел до волны длиной 21 сантиметр³, и в рубке внезапно забился сигнал:

– SOS!.. SOS!.. SOS!..

Хьюго быстро ввел несколько директив, и вскоре бортовые радары взяли пеленг объекта.

– Аварийный передатчик скафандра, – разочарованно сообщил он.

– Найди его, – попросил Номад, пододвигая кресло к пульту управления.

– Да обыкновенный труп, ты же знаешь эту автоматику...

– Хью, найди мне его!

– Ну, как хочешь... Сейчас. Только потом мы полетим туда и слепим себе новый корабль, идет?

По мониторам рубки побежали сообщения:

«Идет поиск».

³ 21 см – длина волны нейтрального водорода.

«Координаты цели».

«Увеличение квадрата».

«Объект обнаружен».

В объеме главного монитора постепенно проступило контрастное изображение.

Во мраке космоса, медленно вращаясь, проплывала изуродованная орудийная башня. Ее броня была оплавлена, фермы креплений лазерных орудий скручены и покорежены, а сзади, за обломками гигантских полозьев суппорта, по которым некогда башня выдвигалась из корпуса космического корабля в космос, закрепленное тонким, едва различимым тросом, двигалось человеческое тело в боевом скафандре. Аварийные проблесковые маяки на плечах и гермошлеме мерно вспыхивали зелеными искрами.

– Ты смотри, сигнал зеленый! – удивился Хью. – Рванули?

Номад угрюмо кивнул, повернувшись к панели управления маломощными струйными двигателями. Он и сам не мог понять, откуда у него внутри это чувство надвигающейся беды...

* * *

Его разбудила музыка.

В это трудно было поверить. Разум Андрея еще находился в плену травматических воспоминаний, но сквозь круговерт сошедших с ума звезд и остервенелых вспышек вакуумного орудия он воспринимал иную реальность: приглушенную музыку, негромкие голоса и сладковатый запах каких-то лекарств...

Он приоткрыл глаза.

Полумрак. Запахи стали резче. Сквозь полупрозрачную стену пробивался тусклый свет. За переборкой двигались две смутно очерченные тени.

Резкое движение. Силуэт мужчины застыл в напряженной позе. Длинный стержень в его руке приподнялся. Почти одновременно Андрей услышал сухой щелчок, как будто столкнулись два шара из кости, затем мягкий, приглушенный удар и тонкий зуммер...

Андрей привстал. Укрывавшая его ткань соскользнула на пол. Он не сомневался, что находится в воображаемом мире. Разум подсказывал: он погиб, его тело летит в пространстве, среди вечного холода, но умирающее сознание в последнем усилии создало странный, призрачный, несуществующий мир... Эти тени...

Пол был холодным. Он сделал несколько неуверенных шагов и приоткрыл дверь.

В нос ударил запах сигаретного дыма.

Он зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, то со всей очевидностью понял, что либо сошел с ума, либо...

В центре восьмиугольного помещения расположился обыкновенный, обтянутый зеленым сукном бильярдный стол, накрепко прикрученный к полу отсека. У его дальнего конца, опираясь на кий, стоял натуральный «космический волк» из детских снов – седые, обвислые усы, наголо бритая голова, покрытая ровным бронзовым загаром кожа, замшевая жилетка, небрежно прикрывающая мускулистый торс...

– Ну, ну... только ты полегче, парень... – раздался за спиной Андрея смешок.

Тысячи мыслей вихрем пронеслись в голове Воронцова.

Эти люди не были призраками.

Все реально!..

Его спасли!

Он почувствовал холод, и до него внезапно дошел смысл сказанного. Опустив глаза, он несколько секунд смотрел на свое абсолютно голое тело... и вдруг расхохотался, хрипло, нервно, уже не контролируя эмоций... Его спина коснулась пластикового косяка, и он бесильно сполз по нему, сотрясаясь от душивших его всхлипов.

Несколько мгновений они ошарашено смотрели на Андрея, пока губы Номادا не тронула улыбка; потом он не выдержал и тоже фыркнул. Через секунду к ним присоединился Эрни.

– Ну вы даете, мужики... – простонал он, доставая новенький комплект полетной формы. – Держи, – он протянул сверток Андрею и махнул рукой по направлению второй двери. – Душ там, в конце коридора, – пояснил он. – Справишься?

Андрей кивнул.

– Давай, вали. Знакомиться будем за обедом.

* * *

Робот-бегунок ловко передвигался по темным коридорам погибших кораблей. Он был прост и функционален. Оперативная память машины содержала единственную текущую задачу – отыскать неповрежденный двигатель заданной конфигурации, демонтировать его и доложить на корабль.

Пока что поиски были безуспешны. Бегунка не интересовало ничего из происходящего вокруг, он даже не вел записи сигнала с единственного, укрепленного на паукообразном теле видеосенсора.

А зря. Вокруг, в зловещем мраке отсеков и коридоров, в провалах между кораблями и на обшивке покоробленных внешних палуб понемногу закипала разбуженная его перемещением жизнь.

Сотни, если не тысячи боевых машин ждали в холоде и тиши вакуума своего часа. На их контрольных панелях по-прежнему тлели искорки индикаторов у надписей «Активация». Они были готовы вступить в бой, когда чудовищный взрыв аннигилированной планеты прервал битву, превратив в обломки большинство кораблей обоих флотов. Люди погибли, немногие из числа чудом выживших бежали, воспользовавшись спасательными капсулами, и лишь боевые машины в подавляющем большинстве оставались на прежних местах. Основными местами сосредоточения кибермеханизмов являлись предстартовые накопители изуродованных кораблей.

Они лишились руководства – с момента активации больше не поступало никаких директив. Однако каждый из кибермеханизмов имел пакет автономных программ, который автоматически запускался спустя определенный период времени. Машины были слишком дорогими и сложными, чтобы люди допустили их простой, тем более что при программировании использовался огромный опыт войн, который допускал вероятность гибели командного состава или уничтожение координирующих компьютерных центров базовых кораблей.

В этом случае, исчерпав лимит ожидания, вступала в действие автономная программа, основанная на принципе сигнала «свой – чужой». Все объекты, не подающие сигнал «я свой», автоматически заносились в каталог целей. Затем по степени их активности определялись приоритеты. Потом следовало стандартное предупреждение и предложение о сдаче. Если после этого не поступало сигнала «я свой» либо активность объекта не становилась равной нулю, включалась фаза противодействия, и боевая машина приступала к исполнению своей основной функции – уничтожению техники и живой силы противника.

Эта функция могла быть приостановлена или прервана в трех случаях:

Уничтожение всех целей.

Приказ о прекращении боевых действий из командного пункта.

Полный расход боекомплекта и энергоресурса.

Конечно, те, кто проектировал боевые машины, не рассчитывали на такое невероятное стечение обстоятельств, как полное уничтожение всех командных центров с обеих сторон. Тысячи активированных боевых машин с работающими автономными программами ждали

своего часа. Им была необходима любая цель, чтобы совершить первое действие, которое сорвет за собой лавину последствий.

Таким камушком и стал бегунок.

* * *

Настроение у Андрея было паршивым.

Он просмотрел всю оперативную память бортового компьютера, но не нашел среди зафиксированных локационными системами конструкций ничего похожего на орбитальную станцию. Ни один обломок не идентифицировался в соответствии с заданным компьютеру критерию поиска.

Значит, отец жив... Разум Андрея Воронцова тяжело воспринимал очевидные факты. Он знал: именно орбитальная станция несла на борту оружие, уничтожившее планету.

О новом секретном типе вооружения как-то упоминал отец, но, случайно оговорившись в присутствии сына, тут же потребовал от него забыть их разговор.

Андрея в данный момент не волновал сам факт существования аннигиляционной установки. Все, что предсказано и обосновано теорией, рано или поздно воплощается на практике. Колонисты создали его и в критический момент боя применили новое оружие, чтобы уничтожить флот Земли.

Маленькая поправка – сотни растерзанных кораблей Флота Колоний, бившихся в тот момент в космосе, были принесены в жертву. Тысячи отчаявшихся солдат брошены в ядерный котел решением нескольких человек, среди которых был и его отец!

Может быть, Андрей нашел бы в себе силы оправдать этот поступок... если бы высшие офицеры разделили общую участь флота или хотя бы послали сюда спасательные корабли... Но нет... они ударили по планете и скрылись в гиперсфере, спасая собственные шкуры, им не нужны были ВЫЖИВШИЕ, потому среди обломков не появились спасательные корабли: кто-то отчетливо понимал, что уничтожение собственного флота вместе с вражеским – это пиррова победа, которая ляжет черным пятном на репутацию ПОБЕДИТЕЛЯ...

Горькие, злые мысли одолевали его.

«Отец... Как ты мог? – Думал Андрей, устало глядя на информационный экран, где система идентификации вычерчивала очередную схему. – Как ты после этого станешь дышать, жить, смотреть в глаза матери?.. Ты помнишь, как говорил мне: „Сын, пора становиться мужчиной“. Я стал им, а ты?! Ты подставил меня, списал в процент потерь, а сам остался жить... Ради какой цели? В чем находишь ты оправдание и в чем ты его найдешь, когда я вернусь?..»

В этот момент Андрей хотел одного – вернуться и узнать, что орбитальная станция испарилась в пламени полного ядерного распада, не оставив ни одного обломка, или по крайней мере, что его отец выполнил свой долг, уйдя из жизни после бессмысленной победы...

...Андрей не знал, что этому не суждено сбыться.

Бегунок уже сделал свое дело и деловито радировал о найденном двигателе, но на протяжении его пути через сфероидальное скопление обломков, в темных глубинах боевых палуб уже зажглись инфракрасные прожектора, и боевые машины тронулись вслед паукообразному роботу...

Спустя пятьдесят минут локального времени отряд кибермеханизмов Земного Альянса в поисках бегунка поднялся на боевую палубу крейсера Флота Колоний, где в обманчивом оцепенении ждали своего часа десятки машин противника.

Данте не подозревал, что так начинается ад.

* * *

Никогда Номад Берг не чувствовал так остро свою уязвимость.

Двигатели его корабля были демонтированы, и впервые за многие годы тот не мог сорваться с места по первому приказу хозяина.

Рассуждения Хьюго о том, что десять часов, необходимые для доставки и монтажа новых силовых установок, – это не срок, мало утешали Номада. Он боялся этого места и не пытался скрыть свой страх. Все вокруг пропиталось страданием и смертью. Тысячи мертвых тел плавали в темных коридорах и отсеках изуродованных кораблей...

Номад встал из-за пульта управления, со злостью посмотрев на ровную шеренгу мониторов. Все было готово к приему двигательной установки, и оставалось самое мучительное – ждать. Прошло уже три часа с того момента, как Хьюго с командой роботов исчез в недрах сфероида.

Номад раздраженно закурил и вышел в центральный салон.

Андрей томился ожиданием, сидя у прозрачной скорлупки реанимационной камеры, которую Хьюго приспособил для двухлетнего малыша. Мальчик спал, смешно раскинув руки, и его посапывание наполняло грубое и функциональное пространство отсека нежным, трогательным уютом.

Номад застыл в дверях. Сутулая фигура Андрея резко диссонировала с безмятежными чертами ребенка, словно между ними стояла незримая стена.

Он вздохнул, направляясь к бару.

– Выпьешь?

Не дождавшись ответа, он налил два бокала и протянул один Андрею.

Тот взял, равнодушно глядя в пол.

– О чем задумался, солдат? – спросил Номад, стараясь разогнать гнетущую тишину, и тут же пожалел о своем ироничном тоне. В глазах молодого парня вдруг вспыхнула ярость, граничащая с бешенством.

– Мы все погибнем... – хрипло выдавил Андрей.

Ему безумно хотелось жить, но он-то знал, что война охватила весь освоенный людьми космос. Ни он, ни кто-либо другой уже не могли остановить бешеного танца смерти. Лавина галактической войны сметет человечество, оставив лишь единицы таких, как он, – постаревших без времени ребят, обожженных и наделенных запоздалым пониманием сути вещей.

– А как хочется жить... – яростно выдохнул он.

Номад хотел возразить, но осекся. Он понял, что не знает нужных слов.

– Оставайся с нами, – наконец нашелся он. – Подумай, ведь тебе не хочется вновь стать одним из миллионов, идущих на смерть.

Андрей поднял голову.

– Спасибо. – В этом слове прозвучала горечь. Он залпом выпил содержимое бокала и, закулив, откинулся на спинку кресла, чтобы дым не летел к импровизированной колыбели.

– Мы все эгоисты, – внезапно сказал он, словно продолжая оборванную мысль. – Мы как чума. И только, вляпавшись в дерьмо, начинаем барахтаться, постигая извечные ценности, которые открыты за тысячи лет до нас...

Номад вдруг разозлился:

– Это ты, философ, извини, загнул. Ты не забудь, что защищал свои планеты. А если не веришь мне, посмотри на пацана. Я видел его родителей, расстрелянных в упор! Пацифизм хорош только до определенной степени...

В этот момент корабль потряс удар.

Реанимационную камеру качнуло, Номада сбило с ног, и его проклятия смешались с плачем проснувшегося мальчика. Палуба под ногами вибрировала.

– Скафандры! – приказал он, вскочив, чтобы бежать в рубку.

Андрею не нужно было повторять дважды. Корабль еще раз тряхнуло. Где-то гулко звывла сирена.

...Когда он вернулся в отсек с тремя скафандрами высшей защиты, Номада там уже не было, лишь малыш заходился беспомощным криком в своей колыбели. Схватив цилиндр индивидуальной аптечки, Андрей сделал ему укол снотворного и стал натягивать скафандр. Пока он возился с магнитными застежками, ребенок в последний раз судорожно всхлипнул и затих, безвольно опустившись на дно реанимационного саркофага.

Андрей бережно поднял маленькое тельце и уложил его во второй скафандр. Включив автоматическую подачу кислорода, он убедился, что все работает исправно, и наглухо застегнул крепления. Скафандр слегка надул, вспыхнул голубой индикатор на предплечье, что означало нормальную герметизацию.

Теперь уже по всему кораблю неистово выли сигналы тревоги.

– Номад, что у тебя, ответь! – спросил Андрей, включив коммуникатор.

– Не могу разобраться. Вижу какой-то отблеск на броне соседних кораблей. Хьюго не отвечает. Радар показывает приближение шести объектов... О, Дьяволы Элио!... У них характеристики планетарных танков!...

Андрея вдруг начало трясти.

Закрыв забрало своего гермошлема, он прикрепил скафандр с малышом на грудь, стянув его пустые рукава самоклеящейся лентой, и выскочил из салона.

Он был уже на полпути к рубке, когда корабль снова тряхнуло. Андрей упал на спину, чтобы не придавить ребенка, скорее почувствовав, чем услышав протяжный вой уходящего наружу воздуха. Противоположная стена вдруг начала удаляться, по полу обозначился ровный, расплзающийся срез, в котором одиноко сверкнула звезда...

Луч двухсотмегаваттной лазерной установки развалил посудину свободных торговцев пополам...

Пытаясь подняться на ноги, Андрей ощутил невесомость. Отключились генераторы искусственной гравитации. Оттолкнувшись от пола, он пролетел последние несколько метров и боком протиснулся в полуоткрытую дверь рубки.

Тело Номада плавало в вакууме, окруженное ореолом алых капель. Рядом парили вывалившиеся из пирамиды импульсные винтовки.

Рассудок на миг помутился от ярости, бессилия и непонимания, но мышцы действовали помимо разума. Схватив проплывавшую мимо «ИМ-12», он вылетел в коридор и заскользил вдоль стены по направлению к шлюзу.

Берг умер от мгновенной декомпрессии. Его легкие просто взорвались.

Андрей нырнул в черноту и включил передатчик.

– Хьюго, где ты?!

– А, Фрайг... – донеслось сквозь помехи. – Я тут, рядом с кораблем. На нас напали боевые машины!

– Уходи! – крикнул Андрей в коммуникатор, мгновенно сообразив, что случилось. – Спрячься где-нибудь и не шевелись. Выключи все системы скафандра, кроме подачи кислорода! Ребенок со мной, я найду тебя!

Тишина.

Затем в коммуникаторе что-то прохрипело, и вдруг Андрей услышал истошный вопль.

Он вынырнул из шлюза во мрак, освещаемый вспышками стационарного лазера. В вакууме кипел бой. Шесть боевых машин сошлись в смертельной схватке, полосую друг друга

лучами лазеров, и среди этого хаоса плыл изуродованный двигатель, а рядом – обезглавленное человеческое тело...

Андрей вновь остался один.

Он рванулся к ближайшей пробоине и скрылся в недрах корабля. Разворачиваясь в узком коридоре, он задел грудью за переборку и почувствовал, как зашевелился внутри второго скафандра беспомощный комок.

Их было двое.

И они были обречены.

Часть 2. СФЕРОИД

*Кровавый шар средь вечной ночи,
Кружит по воле мертвецов,
Постскриптум техногенной мощи,
Самонадеянных «Творцов»...*

*Безмолвье. Мрак. Немые сцены
Глухой, не названный порог,
За ним оплавленные стены,
И надпись: «да храни нас Бог»...*

*Кто сможет под огнем машин,
Средь холода стальных развалин,
Оставшись навсегда один,
Сказать: «Я жив. И я нормален»?*

ГЛАВА 4

Впереди царил мрак.

Семен приподнялся на локтях и выглянул поверх нагромождения покореженных балок. Бледный луч фонаря выхватил из тьмы серые бронеплиты огромной уходящей во тьму палубы космического корабля. Взгляд мальчика скользнул по окружающей обстановке, машинально отметив местоположение нескольких, изувеченных давним взрывом силовых установок, и остановился на немигающих огоньках далеких звезд, которые были отчетливо видны сквозь уродливую пробоину в обшивке.

Он затаился, продолжая наблюдать.

За несколько минут наблюдения ни одна тень не заслонила звезды, и мальчик решил, что можно двигаться дальше.

Покинув укрытие, Семен в плавном прыжке преодолел отделявшие его от пробоины метры, пристроился у ее края и осторожно выглянул наружу.

На несколько секунд он ослеп – в глаза ударил отраженный от металлической равнины красноватый свет пульсирующей во мраке космоса туманности. Семен напрягся, стараясь слиться с серым фоном брони, – в такие моменты мальчик всегда оказывался беспомощен, из-за вышедших из строя светофильтров старенького гермошлема, починить которые оказалось выше его сил...

Наконец глаза свыклись с ярким мерцанием, и Семен начал узнавать знакомые очертания некоторых вершин.

Это было жуткое, жалкое и одновременно – завораживающее зрелище. Огромный сфероид, у поверхности которого он находился, сиял в красном свете туманности, словно кристалл с множеством граней, составленных из сотен покалеченных космических кораблей. Семен не понимал, что, по сути, это скопление хлама, собранного воедино силами гравитации. Корпуса кораблей щерились безобразными пробоинами, выставив наружу остовы механизмов или хрупкую паутину переломанных антенн...

...Очень давно тут сошлись в схватке два космических флота, и уничтоженная планета, все еще умирающая в виде клубящейся, кроваво-красной туманности, была немым свидетелем и одной из многих жертв того боя...

Отец говорил ему, что победителей той схватки не осталось, но Семен не понимал смысла этих слов.

Шло время, и разрозненные осколки битвы, подчиняясь законам небесной механики, начали собираться вместе. Те, что имели высокие кинетические энергии, навсегда покинули систему погибшей планеты или стали ее дальними спутниками, но основная масса кораблей образовала неправильной формы шар диаметром около ста километров.

Так в глубинах космоса возник этот мир, краткая история которого полна трагизма беззвучных катастроф, взрывов и столкновений. Прошло много лет, прежде чем он обрел некоторую стабильность: обломки космических кораблей сбились, наконец, в плотную массу, и вновь явленная планетка закружила по эллипсу орбиты вокруг клубящейся радиоактивной клоаки, увлекая за собой длинный хвост более мелких обломков...

...Семен не собирался задерживаться у пробоины дольше, чем того требовала безопасность. Открывшиеся его взгляду дикие картины вздыбленного стального ландшафта ничуть не тронули воображение мальчика – он нашел знакомые ориентиры и осторожно двинулся вперед. Семен не знал истории возникновения туманности и металлического шара, и ему не было до них никакого дела.

Что-то жуткое и нереальное просматривалось в маленькой фигурке, торопливо пробирающейся по разрушенным палубам безвозвратно погибших кораблей; в вечной тишине, мраке и холоде космической ночи, сменяемый голодом и беспокойством, он шел слишком уверенно и осторожно... Искореженные переборки, узкие вертикальные шахты, темные залы с застывшими механизмами – это был его мир, мир маленького мальчика и холодного металла.

Сегодня ему исполнилось двенадцать лет, и, как никогда за последние дни, он чувствовал собственное одиночество и бессилие. Осунувшееся лицо за прозрачным пластиком шлема ясно хранило следы перенесенных страданий...

Семен сделал несколько шагов и остановился, ухватившись левой рукой за свисавшую с потолка коридора балку. В правой руке он сжимал плазменный излучатель MG-90, демонтированный с разбитой планетарной машины. Мальчик почувствовал впереди опасность, но никак не мог понять, откуда она может появиться. На глаза навернулись слезы – свыкаться с мыслью о полном одиночестве было жутко...

Несколько секунд он настороженно вглядывался в темные глубины простирающегося перед ним зала. До дома оставалось преодолеть всего несколько сот метров. Этот путь был отлично знаком ему, и внешне все вроде бы выглядело обычно, но первое правило, которое он усвоил в сознательной жизни: «не доверяй спокойствию и пустоте», уже давно перешло в разряд инстинктов.

Подчиняясь глухому предчувствию, Семен машинально поймал проплывающий мимо фрагмент трубы и с силой толкнул его вперед.

Темную бесконечность полусферического зала внезапно озарила серия голубых молний; труба брызнула каплями расплавленного металла и испарилась.

Счет пошел на секунды.

Гибкое тело метнулось под защиту полуразрушенного пульта. Пальцы сами сжали гашетку, и плазменный разряд испарил несколько кубических дециметров металла там, откуда по трубе ударила очередь.

Скользя вдоль пола, мальчик не остановился, а вновь оттолкнулся и нырнул в вертикальную шахту межпалубного перехода, как раз в тот момент, когда новая серия вспышек разнесла пульт, за которым он прятался секунду назад.

Пролетев несколько метров, Семен притормозил падение, и, как оказалось, вовремя: вертикальный тоннель внезапно оборвался, и он повис, чудом уцепившись за крепежную скобу. Тусклый конус света от фонаря выхватил из мрака фрагмент грузового отсека. Лететь предстояло еще метра три, и мальчик, не колеблясь, разжал пальцы. В условиях незначительной гравитации он плавно опустился вниз.

Этот зал был ему знаком. Уверенно свернув в проход между пустыми стеллажами, он боком влез в шахту грузового лифта. В этот момент в его душе не было ничего, кроме ненависти, которая вытеснила все остальные чувства. Яркие всплески энергетических разрядов, беззвучно разлетающиеся осколки пульта, внезапность атаки – все это напомнило ему об утрате. Перед глазами Семена встала похожая картина, намертво впечатанная в память: вспоротый выстрелами мрак, гротескные очертания боевого робота и заслонившее его, сгорающее в плазменном вихре тело отца... Он не знал, сколько прошло времени после гибели единственного родного человека... Память мальчика хранила в себе лишь отрезок бесконечности, наполненный болью утраты, одиночеством и горем...

Наверное, он дошел до предела морального истощения: инстинкты отступили, и сейчас ему было безразлично – жить или умереть... Этот робот мог оказаться тем самым, что убил отца!..

Цепляясь одной рукой и ногами за скобы, он вскарабкался по стволу шахты и выбрался на палубу, где минуту назад был атакован. Его душили ненависть и слезы. Гибкий, как кошка, решительный и быстрый, как воплощение смерти, несчастный и не осознающий полной меры своего несчастья, двенадцатилетний мальчик скользнул вдоль стены, и мрак, хозяин этих залов, сомкнулся за его спиной...

Фонарь шлема был предусмотрительно погашен, и Семен различил впереди тусклое красноватое пятно. Это светился нагретый металл. Пятно медленно удалялось, по диагонали пересекая помещение. Мальчика охватила дрожь. «Значит, я попал!» – подумал он, прислонившись к стене и поднимая громоздкий генератор короткоживущей плазмы.

Серия голубых вспышек вспорола тьму. Впереди взметнулась стена беззвучного пламени. Семен инстинктивно зажмурился, чтобы сберечь глаза, и не видел, как из расстрелянного мрака вырвались очереди ответного залпа, превратив часть стены в фонтаны горячих брызг.

Он уцелел, но был окончательно ослеплен и на некоторое время вообще потерял ориентацию, а вместе с ней и способность двигаться.

Внезапно впереди вспыхнули три прожектора, раскроив вязкую тьму косыми столбами света, и из глубин зала на него двинулось чудовище...

Раскаленные стены и прожектора давали теперь достаточно света, чтобы скорчившийся у люка мальчик мог разглядеть, кого он только что пытался уничтожить...

Трехметровая овальная платформа свободно скользила в нескольких сантиметрах от плоскости палубы, не касаясь ее ни одной своей частью. На ней когда-то помещались четыре покатые башни плазмогенераторов, теперь же их осталось только три: одна из боевых надстроек источала малиновое сияние, – следствие попадания

Вообще, конструкция выглядела порядком потрепанной: половина заслонок и люков сорваны, из пусковой шахты торчала направляющая, на конце которой косо застыла ракета, пластины радарных антенн смяты. Броня машины, местами пробитая и оплавленная, давно утратила первоначальный блеск, но три автоматических импульсных орудия исправно ворочали стволами, синхронно с единственной уцелевшей видеокамерой, выискивая цель, и Семен вдруг с ужасом понял – ему несдобровать, потому что из глубин зала надвигался Автоматический Планетарный Разведчик, который, несмотря на потрепанный вид, относился к разряду самых крупных и смертоносных роботов...

Мальчик отполз в сторону, продолжая наблюдать за исполином. Перед глазами все еще плавали цветные круги, но он уже мог различать окружающие предметы. Справа от него нахо-

дилась шахта межпалубного перехода, слева – пышущая жаром стена, в которой располагалась шахта грузового лифта, впереди медленно перемещался робот, а сзади, за спиной, короткий тоннель, ведущий к маленькой загерметизированной комнатке, где последние несколько лет жили они с отцом... От этого воспоминания разум мальчика вновь захлестнула жгучая ненависть ко всем механическим созданиям. Он вскинул оружие, но тут же опустил его.

Все же рассудок взял верх над инстинктивными порывами.

Уничтожить разведчика одним выстрелом невозможно, а на второй у него уже не останется времени – реакция кибернетической системы все равно, что смертный приговор...

Оставался один путь – бежать, пытаться оторваться от машины в недрах кораблей, стараясь увести врага как можно дальше от дома...

Мысли, вихрем промелькнувшие в голове мальчика, выразились одним действием – он привстал и, распластавшись в прыжке, нырнул в шахту грузового лифта. Сзади полыхнул сдвоенный взрыв, но Семен уже благополучно падал внутри широкого, темного тоннеля, и выстрел планетарного разведчика не достиг своей цели.

Пролетев по тоннелю метров тридцать, он внезапно наткнулся на препятствие: путь преграждала зажатая помятыми стенами кабина грузового подъемника. Пришлось вновь подниматься вверх, до первого выхода на незнакомую палубу.

Выбравшись из вертикальной шахты, мальчик огляделся и бросился бежать, благо на данном уровне работал источник искусственной гравитации. Запоздалый страх гнал его вперед и вперед, по узким коридорам и огромным темным залам, пока Семен окончательно не потерял ощущение времени и расстояния.

Наконец он остановился, тяжело дыша, и, ухватившись за какой-то выступ, прислонился забралом шлема к переборке. Вибрации не ощущалось, и он немного успокоился... Напряжение схлынуло, ноги вдруг предательски подкосились, и он, непроизвольно всхлипнув, едва не рухнул на пол. Взглянув на датчик кислорода, он понял, что должен возвращаться, во что бы то ни стало, и почувствовал себя еще хуже. Он задохнется, если не доберется до дома...

Такие случаи уже бывали: иногда они с отцом возвращались буквально на последних глотках дыхательной смеси, но сейчас он остался совершенно один и не представлял, в какую сторону ему идти...

Единственный путь вел на поверхность сфероида. Только там Семен мог сориентироваться и определить направление движения.

...Через некоторое время измотанный и подавленный, он добрался до верхнего слоя кораблей и осторожно выглянул из люка. Вокруг, на много километров вперед и в стороны, раскинулся хаос металлической равнины. Багровая туманность по-прежнему клубилась над близким горизонтом, расцвечивая броню кораблей опалесцирующими пятнами. Равнодушные звезды холодно взирали на стальной шар из бездн пространства, сплетая причудливые узоры созвездий. Семен вылез из люка и еще раз осмотрелся по сторонам. Незнакомые очертания изуродованных звездолетов действовали на него угнетающе. Он понял, что окончательно заблудился...

Мальчик сел на выступ люка, прислонившись спиной к обшивке, и бессильно опустил руки.

Семен толком не знал названий чувствам, что терзали сейчас его душу.

Он боролся всю свою жизнь. Сначала это была борьба с одиночеством и скукой, со стенами маленького отсека и запертым люком. Но скука кончалась, люк в конечном итоге открывался, и на пороге неизменно появлялся отец. Он приносил с собой еду, запах пота от сползавшего с него, как шкура, гермокостюма, усталую улыбку и слова... Отец очень много говорил с ним, рассказывая удивительные истории о совершенно невозможных местах. Сначала Семен думал, что он бывает там во время своего отсутствия, но потом, когда подрос и вместе с ним начал выходить наружу, понял, что рассказы отца не больше чем вымысел, – во время их блуж-

даний по сфероиду он ни разу не встретил такой огромной, наполненной кислородом палубы, по полу которой текла бы вода, называемая «рекой»...

Зато он научился выживать. В неполные пять лет Семен узнал настоящую цену глотка воздуха и крупы пищи. Он научился плавать в невесомости и ходить во мраке залов, используя магнитные подошвы своего скафандра, как надежную опору, пользоваться сканерами и стрелять по любому движению, отыскивать склады, вскрывать двери с помощью усилителей мускулатуры или оружия... Очень часто ему казалось, что они с отцом играют в простую игру с элементарными правилами: выстрелить первым, суметь отыскать склад, вовремя отреагировать на отблеск брони боевой машины. Жизнь была простой и понятной. Он не чувствовал обездоленности, не понимая, что ведет жестокую борьбу за выживание, – он просто не представлял другой жизни, а сказки отца об иных мирах не находили никакого подтверждения в мрачных лабиринтах кладбища кораблей.

Семен еще ниже опустил голову, уткнувшись забралом шлема в согнутые локти. Одиночество и безысходность переполняли его душу, подкатывая к горлу жарким комком... Ему незачем больше бороться, все кончилось в тот момент, когда он пытался заставить отца заговорить, с ужасом заглядывая сквозь оплавленное стекло его шлема в побелевшее лицо...

«Сынок... – выплыло из глубин памяти другое воспоминание, от которого вновь что-то сжалось в груди, – запомни, здесь нельзя сдаваться. Каждая секунда – это борьба. – Он вдруг вспомнил, что рассмеялся от этих слов, а отец помрачнел, и в его глазах блеснула влага. – Как жаль, сынок, что для тебя это норма... – отвернувшись, прошептал он с непонятным Семену отчаянием. – Я не смог дать тебе иной судьбы...»

Багровая туманность уже коснулась своим краем линии горизонта, и эта часть сфероида стала быстро погружаться в чернильный мрак космической ночи. Холодные звезды еще четче проявили свой рисунок. Они не знали человеческих страстей. Им было все равно, когда здесь взрывались и гибли эскадры космических кораблей, и так же безразличны они остались сейчас, когда обессиленный и измученный мальчик наконец поднялся и медленно побрел по искромсанной поверхности затерявшейся в глубинах космоса стальной планетки, созданной диким безумием его предков, которых он никогда не знал... как не знал и их войны...

Световой столбик электронного манометра неумолимо сползал к нулю.

Он шел наугад, уже не делая попыток отыскать знакомые ориентиры. Окружающий ландшафт был однообразен и представлял собой сплошное нагромождение различных надстроек разрушенных кораблей. Изредка ему попадались проплешины голой, потемневшей брони или настоящие заросли антенн, среди которых прятались вогнутые чаши локаторов и покатые купола рубок управления.

Заметив в одной из них пробоину, Семен заглянул внутрь. Луч фонаря осветил несколько пультов, покрытый паутиной трещин частично обвалившийся обзорный экран и ряд кресел, в крайнем из которых влобопота сидел законсервированный вакуумом труп в скафандре.

Сердце мальчика радостно дрогнуло. Он пролез в дыру и склонился к свесившейся из кресла фигуре.

Увы, оба баллона на трупе были пусты. Его гермошлем раскололся от удара о пульт, резервуары смялись, и дыхательная смесь улетучилась из них много лет назад, в момент катастрофы.

Семен вздохнул и повернул назад. Родившаяся было надежда угасла. Вид мертвого человека не разбудил в нем никаких эмоций – все составляющие сфероид корабля были забиты беспорядочно парящими в вакууме телами, и мальчик, до гибели отца, никак не связывал их с понятием «жизнь» – для него они являлись лишь частью интерьеров, не больше...

Покинув рубку управления, он остановился у ее подножия, с усталым безразличием рассматривая снятое с боевого скафандра импульсное оружие с громоздкой подвеской. Счетчик зарядов застыл на отметке «5». Это было хорошее оружие, но слишком тяжелое и неудобное

для двенадцатилетнего мальчика, скафандр которого не был оснащен ответными креплениями для такого рода вооружений. Семен повернулся, собираясь положить свою находку, и в этот момент сбоку по нему ударили очереди трех автоматических электромагнитных орудий.

Его спас выступ надстройки, который моментально снесло шквалом снарядов. Семен отпрыгнул под защиту купола, успев заметить очертания планетарного разведчика.

Он закричал. Зло, хрипло, совсем не по-детски. Любая мать сошла бы с ума, заглянув в тот момент за прозрачное забрало шлема, – такая мука читалась в перекошенных чертах детского лица...

Проснувшаяся ярость, помноженная на доведенный до рефлекторного уровня навык, сделала свое дело: ствол тяжелого импульсного оружия описал короткий полукруг и резко вздрогнул, выплюнув в боевую машину пять кумулятивных зарядов – весь магазин.

Башни плазмогенераторов разнесло вдребезги, платформа покачнулась, брызнув осколками брони, и тяжело рухнула среди хрупкого леса антенн, подминая под себя локационную систему древнего корабля. Два автоматических орудия смолкли, и лишь третье с механической размеренностью продолжало слать снаряд за снарядом в неподатливую броню рубки управления.

– Фрайг!.. – сквозь зубы выругался мальчик, поднимая МГ. Останки разведчика потонули в беззвучной голубой вспышке.

Семен развернулся и зашагал прочь. Скоротечная схватка заставила его собраться, и депрессия отступила. Он должен бороться!.. Взгляд, брошенный на датчики, расположенные внутри гермошлема, заставил ускорить шаг – воздуха хватит часа на два, и за это время он должен либо вернуться домой, либо найти способ пополнить запас дыхательной смеси.

Дойдя до ближайшего люка, он в последний раз взглянул на льдистые россыпи звезд и с отчаянной решимостью полез вниз.

Этот корабль принес ему неожиданный и неприятный сюрприз. Склады, которые он нашел, оказались пусты. Здесь явно кто-то побывал задолго до его появления – все ценное было вынесено со скрупулезной тщательностью, оставался лишь никому не нужный хлам. Единственной его находкой стала взорвавшаяся банка консервов, которая, попав в вакуум, не выдержала давления заключенного в ней воздуха. По стенкам вспученной упаковки размазались остатки содержимого, и потому мальчик сунул ее в карман.

Пустые склады наполнили его тревожным предчувствием.

Он знал, что роботы никогда не разоряли грузовых отсеков – их интересовали лишь энергоблоки. Правда, отец постоянно твердил, что где-то обязательно должны уцелеть еще какие-то люди, но Семени это не интересовало. Он попросту не понимал стремлений отца. Во-первых, им было хорошо вдвоем, а во-вторых, мальчик не верил в существование «других людей»... Однако отец так и не оставил своей идеи: иногда, в припадках странной грусти, он уходил на поиски, но всегда возвращался ни с чем...

...К исходу второго часа он осмотрел три корабля и перебрался в четвертый. Еще через некоторое время мальчик неожиданно вышел в огромный, абсолютно пустой, как показалось, зал и в этот момент почувствовал первые признаки удушья. Он понял, что наступает конец, и отчаяние, так долго сдерживаемое в глубинах сознания, наконец вырвалось на волю... Семен остановился, сделав панический вдох, со страхом ожидая, что тот будет последним. Перед глазами замельтешили разноцветные пятна, и предметы вокруг начали терять свои очертания...

Он пошатнулся, но устоял на ногах. «Здесь что-то не так», – со слабой надеждой подумал он, осматривая пустое пространство, но сделать шаг вперед оказалось выше его сил. Он уже испытал первый спазм удушья, и ужас сковывал руки и ноги – Семен стоял, парализованный мыслью о том, что сейчас задохнется... Все тело сотрясала крупная дрожь: он хотел жить, и его легкие отчаянно требовали воздуха!..

Он провел непослушным, шершавым языком по пересохшим губам. Сквозь выпуклое стекло шлема он видел лишь враждебную, вязкую тьму, в которой маячило несколько более светлых пятен. Или это ему кажется? Семен выпустил воздух из груди и осторожно вздохнул. Мундштук кислородного аппарата послушно выдал очередную порцию смеси, хотя на датчике уже горел красный сигнал.

Он сделал неуверенный шаг в сторону смутных силуэтов и внезапно заметил, что все помещение носит следы жестокой схватки: дальнюю стену и часть пола покрывали язвы застывших ожогов, а серые пятна оказались изувеченными корпусами боевых машин. Семен не знал, что принесет ему это открытие, пока случайно не наткнулся на бледное пятно света. Он присмотрелся, и вдруг до помутившегося сознания мальчика дошло, что он уже несколько секунд стоит и смотрит на стену, где рядом с полураспахнутым люком тускло светила неровная, фосфоресцирующая надпись:

«Граница герметизированных помещений».

Герметизированных!.. Это слово Семен знал очень хорошо, и сейчас оно показалось ему чудом. Судорожно вздохнув, он побежал.

За люком не было воздуха, там оказался исковерканный тамбур, который занимал развороченный корпус робота и два начисто сожженных человеческих тела. Семен не мог поверить, что надежда оказалась напрасной. Преодолев препятствие, он бросился дальше, уже потеряв контроль над своими действиями. Пробежав целую анфиладу полуразрушенных залов со следами жестокой борьбы людей и машин, он внезапно оказался в тупике коридора...

ГЛАВА 5

Живительный воздух тягуче и сладко вливался в располосованную спазматической резью грудь.

Семен открыл глаза. Шлюзовая камера была полна дыхательной смесью, внутренний люк распахнут, и за ним виднелся фрагмент ярко освещенного коридора. Последним воспоминанием, которое сохранила память, было удивление, когда тупик превратился в открывшийся люк. Еще он помнил спазм удушья и собственные пальцы, рвущие замки шлема, как только наружный люк встал на место...

Некоторое время он просто лежал на полу, с наслаждением вдыхая сладковатый от обилия кислорода воздух. Силы постепенно возвращались к нему, а вместе с ними пришло беспокойство, которое через минуту уже стало невыносимым. Несколько раз всхлипнув, он заставил себя встать и, подобрав оружие, шагнул в ослепительное сияние ярко освещенного коридора.

Проход оказался коротким, всего несколько метров. Его стены и потолок, образующие арочный свод, мягко сияли. В противоположном конце Семен увидел еще один распахнутый люк.

Крадучись подойдя к нему, мальчик, изнывая от тревоги, заглянул в следующее помещение.

Его самые худшие предположения оказались верны... Он отпрянул от люка, но идти было некуда! Кислородный баллон пуст, и, чтобы выбраться отсюда, он сначала должен найти ему замену... Набравшись решимости, Семен вновь заглянул за край люка.

Коридор продолжался, рассекая огромную комнату на две половины, но его стены стали прозрачны, и сквозь них были отчетливо видны машины!.. Они работали. По блокам электронной аппаратуры метались замысловатые сполохи сигналов, тускло светила пара экранов, механические части с монотонной размеренностью совершали наборы одних и тех же движений.

Семен, сжав в побелевших пальцах мокрую от пота рукоять «MG», шагнул в проем люка и остановился, скованный мистическим ужасом, – пройдя всего несколько метров, он оказался один на один с огромным количеством работающих машин, которые с самого рождения были для него синонимом слова «смерть»...

Чудом удержавшись от выстрела – затронуть такую громадину было бы безумием! – он рванулся вперед, вихрем пролетел по коридору и выскочил в следующее помещение.

Здесь было так же светло и тихо. Чистый воздух струился из неведомых источников, и разгоряченное лицо ощущало его прохладные токи. Вдоль стен прямоугольного зала стояли высокие стеллажи с ровными рядами кристаллодисков – универсальных носителей информации. Посредине возвышался странный аппарат с несколькими экранами на консоли управления и двумя креслами. Быстро проскользнув мимо неподвижной машины, Семен замер на пороге следующего зала, чувствуя, что находится на грани нервного срыва. Он впервые в жизни попал в такое жуткое и непонятное место...

Следующее помещение резко отличалось от двух предыдущих. Ему еще не приходилось видеть такого упорядоченного скопления вещей: стол, мягкие кресла, длинный диван, высокие шкафы с прозрачными створками – все это не казалось здесь лишним, наоборот, делало комнату теплой и уютной... Но это чувство лишь на мгновение мелькнуло в душе и тут же умерло, раздавленное защитными рефлексам, – Семен по-прежнему чувствовал себя комком воспаленных нервов, и его разум был лишь придатком зажатого в руке оружия.

Пока он обводил взглядом стены, на которых висело несколько странных изображений в темных рамках, в центре комнаты возникло движение.

Он резко повернулся, подавшись назад и вскинув «MG» на уровень груди, но палец так и застыл на гашетке, чуть не дослав ее в положение «огонь».

У низкого дивана стояло удивительное существо, сотканное из света, улыбки и... испуга. Семену хватило одного взгляда, чтобы понять, – перед ним «человек»!

Это открытие потрясло мальчика до глубины души. Он в полном оцепенении рассматривал стройную фигуру человека, рассыпанные по плечам белокурые пряди волос и голубые, испуганные глаза... Тонкий нос с трепещущими ноздрями и кривящийся в беспомощной улыбке рот совсем не портили этого лица. Она смотрела в черный зрачок ствола и молчала, оцепенев так же, как и он...

– Ты кто?! – наконец раздался в вязкой тишине комнаты осипший от волнения голос.

– Семен... – секунду помедлив, так же хрипло и неуверенно ответил он.

Оба – и он, и она еще не оправались от шока внезапной встречи и могли только разглядывать друг друга – Семен со смертельной настороженностью в глазах, она – со страхом и безмерным удивлением.

– А меня зовут Яна... – она сделала неуверенный шаг навстречу и вдруг протянула ему свою руку с бледными, дрожащими пальчиками.

Сердце мальчика мучительно сжалось. Он слишком хорошо знал этот жест, которым обычно встречал отца. Принять его – значило открыться, стать безоружным и беспомощным. Но перед ним человек!.. Лицо Яны не было ни злым, ни опасным. Одного с ним роста, она стояла совершенно открыто...

Ствол оружия медленно опустился. Неловко ставив перчатку, Семен осторожно коснулся ее руки. Яна вздрогнула и сжала его ладонь.

...

Хаос стальных лабиринтов дал трещину. В этом мире существовал еще один человек, и Семен чувствовал тепло его руки...

...

Яна не двигалась, она лишь нерешительно подняла глаза и вдруг, заметив перемену, спросила:

– Что с тобой?! Почему ты плачешь?

Если бы он мог ответить на этот вопрос... Семен был всего лишь двенадцатилетним мальчиком, лишившимся отца и заблудившимся среди нагромождения древних кораблей... Где-то должен был наступить предел его выносливости, и он наступил, ноги мальчика подкосились, и слезы, горячие и горькие, хлынули по щекам. Яна испуганно отпустила его руку, а он не мог остановиться, сотрясаясь от рыданий. Он, наконец, понял, сколько времени провел без сна, без еды и что значило для него почувствовать простое тепло человеческой руки, с которым он простился навсегда... Слезы обжигали лицо, но он не стеснялся их, а чувствовал невероятное облегчение, безоговорочно поверив в реальность существования Яны...

Теплая ладонь осторожно коснулась его щеки. Семен открыл глаза, и она отдернула руку, не решаясь прикоснуться или задать еще один вопрос.

Что-то в ее облике насторожило мальчика.

– Почему у тебя нет оружия?! – внезапно спросил он.

– Оружия? – переспросила Яна, и по ее губам скользнула удивленная улыбка. – А зачем?

Ты разве не знаешь, что женщины не носят оружия?

На мгновение Семену показалось, что он ослышался.

– Женщина?! – Его глаза сверкнули безумной радостью. – Значит, ты моя МАМА?!

Яна опешила. Наконец, видимо разобравшись в смысле его слов, она отрицательно тряхнула головой и сказала:

– Нет, я не могу быть твоей мамой. Я женщина... то есть – девочка, но ты наверняка старше меня! Сколько тебе лет?

– Двенадцать... – машинально ответил он, не в силах бороться с разочарованием. Отец всегда говорил, что его мама была женщиной!..

Он поднял глаза и спросил:

– Разве, кроме мамы, могут быть еще какие-то женщины?

– Не знаю... – растерянно ответила Яна. Для нее слово «родители» не имело никакого практического смысла, а появление Семена поставило в тупик одиннадцатилетнюю девочку, которая уже давно пришла к самостоятельному выводу о том, что люди существуют только в книгах и на кристаллах видеотеки, хотя Андор не соглашался с ней, рассказывая о множестве колонизированных человечеством миров.

– А ты видел когда-нибудь людей? – вырвалось у нее.

Осунувшееся лицо мальчика исказила тень страдания.

– У меня был отец... – тихо произнес он.

Яна почувствовала острый укол жалости и поняла, что причинила ему боль, хотя никто не учил девочку распознавать подобные вещи. Преодолев страх, она присела рядом с ним.

– Ты хочешь есть? – спросила она первое, что пришло в голову.

– Что? – Семен еще не справился с потрясением и не расслышал вопроса, думая об отце.

– Ты хочешь... есть? – сглотнув, повторила Яна.

Семен увидел ее испуг и молча полез в карман. Достав взорванную банку консервов – свою единственную пищу на этот момент, он протянул ее Яне:

– Вот, возьми...

Она осторожно взяла изуродованную пластиковую упаковку, на стенках которой еще оставалось немного бурой массы, повертела в руках, растерянно понюхала и скривилась, не в силах скрыть удивления.

– Ты это ешь?! – Казалось, она была потрясена и готова расплакаться или рассмеяться.

Семен взглянул на нее и хмуро кивнул. Он не видел тут ничего смешного или странного.

Она попыталась улыбнуться и сказала:

– Пойдем, я что-нибудь приготовлю.

Он не стал возражать. Спазмы голода уже притупились и не так назойливо терзали его желудок, но от разговора о еде он почувствовал слабость.

Яна взяла его за руку и повела к выходу. Все внимание Семена вдруг сосредоточилось на теплой и чуть влажной ладони девочки. Он никогда не думал, что это так приятно – чувствовать жизнь...

Короткий коридор привел их к площадке, в стенах которой он насчитал пять плотно закрытых люков. Над головой тихо шуршал регенератор воздуха.

Помещение, куда они вошли, выглядело меньше остальных, но все же оно было намного просторнее его комнатки...

Семен сел в удобное кресло за овальным столом и с любопытством осмотрелся. Помимо нескольких знакомых приспособлений, он заметил множество других устройств, которые оставались для него загадкой. Расстегнув гермокостюм, который бесформенной грудой сполз на пол, Семен наблюдал за девочкой, которая возилась с блестящей машиной. Два цилиндра соединялись посредством множества шлангов с силовым генератором и прозрачной сферой, на основании которой он прочел: «Приемная камера синтезатора продуктов. Работать только при закрытой оболочке!»

Наконец машина утробно заурчала. Семен испытал беспокойство, когда на консоли управления вспыхнули огни, но Яна не обратила на это никакого внимания. Она нажимала какие-то кнопки, ставила тарелки, что-то резала, украдкой поглядывая в его сторону, пока у него не закружилась голова от обилия всевозможной еды и необыкновенных запахов, наполнивших помещение.

Сев за стол, Яна взяла вилку, но, пока Семен пытался насытиться, она едва прикоснулась к своей тарелке. Ее глаза не могли оторваться от осунувшегося лица мальчика. Он был выше

и явно сильнее. Его кожа имела странный бронзовый оттенок. Яна не знала, что это обыкновенный космический загар...

– Откуда ты? – невольно вырвалось у нее.

Рука Семена застыла в воздухе. «Откуда ты...» Он внезапно понял, что не может ответить.

Яна откинула золотистую прядь волос, упавшую на глаза, и сказала:

– Ты вошел через главный шлюз. Но я не знаю, что за ним. Я никогда не выходила отсюда.

Семен едва не выронил вилку.

– Ты знаешь... Я не могу... – Яна с трудом подбирала слова. – Я рада... что ты пришел. – По ее щекам вдруг потекли слезы, но она улыбалась.

Счастливые часов не наблюдают... Ни он, ни она не могли дать названия тому, что творилось внутри. Время остановилось. Они упивались самой возможностью говорить, видеть друг друга – это было непередаваемое счастье после безмерного одиночества, хотя девочка не знала и сотой доли тех бед, которые составляли его жизнь. Они говорили, порой едва понимая друг друга, как будто два существа с разных миров.

В другое время это заставило бы Семена задуматься, но сейчас он чувствовал, как жестокий мир стального шара превращается в нечто далекое и нереальное...

Яна встала и начала убирать тарелки, когда за спиной мальчика раздался шелест автоматически открывшихся дверей.

Это было словно удар электрического тока. Семен вскочил, молниеносно развернувшись, и замер. В его глазах застыл ледяной ужас смерти.

В дверях стоял робот!..

Он был до дрожи похож на человека, но сходство не могло обмануть мальчика – перед ним возвышалась машина! Его рука рванулась к поясу, но пальцы впустую схватили воздух – оружие остался в той комнате у дивана... Тысячи мыслей пронеслись в его сознании и ушли, как вода в песок, оставив одну:

«Попался... Оружия нет... забыл... Смерть... Убить... Убить!»

– Доброе утро, Андор! – вплеся в его растерзанные мысли голос Яны. Она спокойно продолжала убирать посуду.

– Доброе утро, Яна, – ответил робот низким, приятным голосом, и при этом его стальные губы очень правдоподобно шевельнулись. Он повернулся к мальчику: – Доброе утро, сэр! Позвольте узнать, как вас зо...

В этот момент Семен ударил.

Он прыгнул, и его ноги впечатались в лицо-маску, опрокинув машину на пол. Одна рука врезалась в стальную грудь, до остервенелой боли в костяшках пальцев, вторая охватила то, что являлось у робота горлом, и застыла в цепком удушающем захвате.

– Беги!!! – неистово закричал он, надеясь, что Яна поймет его и успеет ускользнуть, пока он держит механизм прижатым к полу.

Девочка не шелохнулась. На ее лице мгновенный испуг сменился безграничным удивлением.

– Что ты делаешь?! – в замешательстве воскликнула она. – Отпусти Андора, сейчас же!

Робот под ним несколько раз слабо дернулся, как будто проверяя прочность сжимавшего его тела, и вдруг рывком встал.

Семена отбросило в угол, но так расчетливо и аккуратно, что он даже не ушибся. Он в ужасе зажмурился, пытаясь слиться со стеной в безотчетном ожидании смерти.

– Сэр, могу я узнать, чем вызвано ваше недовольство? – вместо выстрела пророкотал над ухом тот же голос.

Мальчик заставил себя открыть глаза. Робот стоял перед ним, опустившись на колени.

– Вы не ушиблись? – осведомился он.

Сзади раздался всхлип. У Яны сдали нервы...

Семен смотрел на коленопреклоненного робота и не верил ни одному своему чувству. Вселенная рухнула. Он только что ударил машину, но в ответ андроид не убил его!.. Подобное несоответствие попросту не укладывалось в голове – оно было чуть выше понимания мальчика, научившегося ходить и стрелять практически одновременно.

– Семен! – Ломкий от напряжения голос Яны рвало учатившееся дыхание. – Поверь, Андор не сделает тебе ничего плохого! – Она подошла к роботу и взяла его за руку. – Смотри, он не страшный! Андор – мой учитель! Он кормил меня, когда я была совсем маленькой! Он рассказывал мне про людей... – Она не выдержала и расплакалась.

Семен очень хотел поверить ей, но он не мог ничего поделать со своими чувствами! Стоящий перед ним на коленях робот оставался для него МАШИНОЙ, и от такого соседства его сердце сжимал мучительный холод.

Взгляд мальчика скользнул по хромированному корпусу Андора, но не нашел никаких следов оружия. «Похоже, Яна говорит правду!..» – растерянно подумал он. Робот без оружия! Такое дикое несоответствие с его жизненным опытом окончательно смешало все его мысли. Это было так нелепо, что он едва не рассмеялся.

– Я никогда не смогу причинить вреда человеку, – нарушил тишину ровный голос андроида. – Даже если вы, сэр, прикажете мне.

Андор поднялся с колен и демонстративно отошел в сторону.

Семену казалось, что он сойдет с ума. Он ни на секунду не выпускал андроида из поля зрения. Его била нервная дрожь, и в душе царил настоящий ад.

– Что это за слово, «сэр»? – спросил он, вставая с пола, чтобы нарушить тягостную тишину.

– Это вежливая форма обращения к мужской половине человеческого рода, – спокойно пояснил Андор. – К женщине обращаются «леди».

Острая жалость шевельнулась в груди Семена. Ну почему?.. Зачем он должен был появиться и встать между ними?..

– Я ухожу, – отрезал он, подбирая скафандр.

– Почему?! – жалобно вскрикнула Яна, дернувшись, словно ее ударили. – Ты не веришь мне?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.